

Agatha Christie
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

**Агата
Кристи**

Врата судьбы

Агата Кристи
Врата судьбы
Серия «Агата Кристи.
Серебряная коллекция»
Серия «Томми и Таппенс
Бересфорд», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45218739

Врата судьбы: Э; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-96197-9

Аннотация

На старости лет Томми и Таппенс Бересфорд стали счастливыми обладателями старого дома в деревне. Вместе с имуществом они унаследовали некоторые безделушки, в том числе коллекцию старых книг. И вот однажды, перебирая их, Таппенс неожиданно обратила внимание на подчеркнутые слова в романе Стивенсона «Черная стрела», объединив которые можно было прочесть фразу: «Мэри Джордан умерла не своей смертью»...

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	57
Глава 7	68
Глава 8	74
Книга вторая	77
Глава 1	77
Глава 2	84
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Агата Кристи

Врата судьбы

Agatha Christie
POSTERN OF FATE

Copyright © 1973 Agatha Christie Limited. All rights reserved. AGATHA CHRISTIE and The Agatha Christie Signature are registered trade marks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

© Петухов А.С., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Ганнибалу и его хозяину

*Четыре входа в городе Дамаске...
Врата Судьбы, Врата Пустыни,
Пещера Бед, Форт Страха...
О караван, страшишь пройти под ними,
Страшишь нарушить их молчанье песней.
Молчанье там, где умерли все птицы,
И все же кто-то свищет, словно птица.*

*Из стихотворения Джеймса Элроя Флекера «Врата
Дамаска»¹*

---

¹ Джеймс Элрой Флекер (1884–1915) – английский поэт, представитель Парнасской школы. Это стихотворение – одно из самых любимых у Агаты Кристи; она цитирует его в целом ряде своих произведений. Пер. Г.В. Державина.

Книга первая

Глава 1

В основном о книгах

– Просто достали! – произнесла Таппенс.

В ее голосе ясно слышалось плохо скрываемое недовольство.

– Что ты сказала? – уточнил Томми.

Таппенс бросила на него взгляд через всю комнату.

– Я сказала, что эти книги меня достали, – ответила она.

– Понятно, – произнес Томас Бересфорд.

Перед Таппенс стояли три большие коробки. Рядом с ними лежали извлеченные из них книги. Но бо́льшая их часть все еще оставалась нераспакованной.

– Это просто невероятно, – продолжила Таппенс.

– Это ты о том, сколько места они занимают?

– Вот именно.

– Ты что, хочешь все их расставить по полкам?

– Я сама не знаю, чего хочу, – ответила Таппенс. – И в этом вся проблема. Человек вообще редко знает, чего хочет достичь своими действиями. О боже, – вздохнула она.

– Знаешь, – сказал ее муж, – я всегда думал, что к тебе это

не относится. Я всегда считал, что ты-то как раз слишком хорошо знаешь, чего *хочешь* достичь.

– Я просто хочу сказать, – пояснила Таппенс, – что вот мы сидим здесь, потихоньку старея, и наши суставы начинают давать о себе знать, особенно когда мы тянемся или наклоняемся – например, для того, чтобы поставить книгу, или снять ее с полки, или посмотреть, что стоит на нижних полках, а потом чувствуем, что распрямиться для нас становится все более проблематично...

– Да, да, – согласился Томми. – Это довольно точное описание наших теперешних хворей. Так ты именно это хотела сказать?

– Нет, не это. Я хотела сказать, нам здорово повезло, что мы купили этот новый дом, причем такой, о котором всегда мечтали... правда, он нуждается в некоторых переделках.

– Ну да – надо только соединить пару комнат, разрушив несколько стен, – заметил Томми. – А потом добавить к этому то, что ты называешь верандой, твой архитектор – крытой галереей, а я назвал бы галереей с аркадой...

– Это будет очень мило смотреться, – заметила Таппенс твердым голосом.

– То есть когда ты все это закончишь, то это будет совершенно незаметно? Ты это хочешь сказать? – поинтересовался Томми.

– Вовсе нет. Я хочу сказать, что когда все будет закончено, ты придешь в восторг и скажешь, что твоя умница-жена –

настоящая артистическая натура.

– Отлично, – согласился Томми. – Теперь я знаю, что мне надо будет сказать.

– Это совершенно ни к чему запоминать, – заметила Таппенс. – Слова сами придут тебе на ум.

– А какое это имеет отношение к книгам? – поинтересовался Томми.

– Две или три коробки с книгами мы привезли с собой. То есть те книги, которые нас не очень интересовали, мы продали, и привезли сюда те, с которыми действительно не могли расстаться. Кроме того, здесь остались... не могу описать, как это точно называется... те люди, которые продали нам этот дом, не горели желанием забирать всё с собой и сказали, что если мы серьезно думаем о покупке, то они оставят кое-какие вещи, включая книги; и когда мы приехали и посмотрели на них...

– То решили кое-что оставить, – продолжил ее муж.

– Ну да. Правда, не так много, как этого хотелось бы прошлым хозяевам. Мебель и декор в некоторых случаях оказались просто ужасными. К счастью, мы не были обязаны их оставлять. А вот когда я приехала и взглянула на книги, – там, в гостиной, были и детские, пара-тройка из тех, что мы любили в детстве; надеюсь, что они все еще там лежат. Они действительно когда-то были моими любимыми, поэтому я решила, что будет здорово, если они останутся у нас. Знаешь, эта история об Андрокле и льве, – продолжала Таппенс.

пенс. – Помню, я читала ее, когда мне было восемь лет. Ее написал Эндрю Лэнг².

– Скажи, Таппенс, а ты что, уже самостоятельно читала в восемь лет?

– Да, – ответила она. – Вообще-то я начала читать в пять лет. В мои годы это было обычным делом. Обычно кто-то читал тебе вслух, а тебе так нравилась история, что ты запоминал, где эта книжка стоит на полке, и потом доставал ее уже в одиночестве – и вот ты уже читаешь ее, хотя еще понятия не имеешь, как что пишется и всякое такое. Кстати, в будущем это сыграло со мной злую шутку, – заметила женщина. – Я так и не научилась правильно писать. Если б кому-то пришла в голову мысль начать учить меня этому в четыре года, это было бы здорово. А вместо этого папа учил меня складывать, вычитать и умножать; он вообще считал, что таблица умножения – это самая полезная вещь в мире. Тогда же я выучила письменное деление столбиком.

– Твой отец, должно быть, был умнейшим человеком.

– Не думаю, что он отличался большим умом, – заметила Таппенс, – но он был очень и очень мил.

– А не слишком ли мы удалились от темы нашего разговора?

– Ты прав, – согласилась Таппенс. – Так вот, мне пришло в голову, что неплохо будет перечитать «Андрокл и Лев» –

---

² Эндрю Лэнг (1844–1912) – британский (шотландский) писатель, переводчик, историк и этнограф; занимался собиранием детских волшебных сказок.

мне кажется, что это один из рассказов из книги о животных, написанной Эндрю Лэнгом; в детстве я его обожала. А потом был еще рассказ об одном дне из жизни итонца³, сочиненный мальчиком, который там учился. Не знаю, почему мне тогда захотелось его прочитать, но факт остается фактом. Он стал одной из моих любимых книг. А потом там было несколько классических детских книг, и творения миссис Моулсворт⁴ – «Часы с кукушкой», «Ферма на четырех ветрах»...

– Думаю, достаточно, – заметил Томми. – Совсем необязательно давать мне полный список твоих детских побед в области чтения.

– Я просто хочу сказать, – не унималась Таппенс, – что сейчас такие книги уже не найдешь. То есть иногда их перепечатают, но текст может быть изменен, и иллюстрации совсем не те, что были раньше. Честно, пару дней назад я не смогла узнать «Алису в Стране Чудес», когда наткнулась на книгу в магазине. Она так странно выглядела... А здесь я вижу книги моего детства. Миссис Моулсворт, несколько сборников сказок – «Розовый», «Голубой» и «Желтый», не говоря о многих других, которые я любила в детстве. Например, Стэнли Уэйман⁵ и другие. Они их оставили очень мно-

---

³ Итон – одна из самых известных частных школ в Англии.

⁴ Моулсворт Мэри-Луиза (1839–1921) – британская (шотландская) детская писательница, которая в 1875 г. издала книгу под названием «*Расскажи мне сказку*».

⁵ Стэнли Джон Уэйман (1855–1928) – английский писатель, автор исторических романов, которого часто называли Романтическим Принцем.

го.

– Понятно, – сказал Томми. – Ты растаяла от воспоминаний молодости и решила сказать «до свидания»...

– Ну да. По крайней мере... А что значит это твое «до свидания»?

– Это значит, что ты попрощалась со всеми сомнениями и решила их купить, – ответил муж.

– А я решила, что тебе стало скучно и ты уходишь...

– Совсем нет, – ответил Томми. – Наоборот – мне очень интересно. В любом случае, решение оказалось правильным.

– Я уже говорила, что купила их просто по дешевке. И вот теперь они лежат здесь, среди наших собственных книг... Правда, теперь их оказалось так много, что, боюсь, нам не хватит полок, которые мы здесь установили. А как твое личное убежище? Там не найдется места для книг?

– Нет, не найдется, – ответил Томми. – Там его и для меня мало.

– Боже, боже, – произнесла Таппенс. – Как это на нас похоже... А может быть, нам пристроить еще одну комнату?

– Нет, – ответил Томми. – Мы же решили экономить. Сама так сказала позавчера. Или уже забыла?

– Но это было позавчера, – заметила Таппенс. – А времена меняются. Наверное, сейчас я расставлю на этих полках все те книги, без которых не смогу жить. А потом посмотрим, что из этого получится – может быть, где-нибудь рядом есть детская больница или другое место, где могут понадобиться

детские книги...

– Или просто продадим лишнее, – предложил Томми.

– Не думаю, чтобы эти книги заинтересовали многих. Среди них нет никаких библиографических ценностей или чего-то в этом роде.

– Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, – заметил Томми. – Будем надеяться, что кто-то отыщет среди них книги своей мечты.

– Ну, а пока, – заявила Таппенс, – мы должны расставить их по полкам и внимательно просмотреть каждую, дабы убедиться, что это именно те книги, которые я помню и хочу иметь в доме. И я постараюсь грубо – ты меня понимаешь – рассортировать их. Приключения, сказки, истории о детях и истории о школах, в которых, как я помню, всегда учились только очень богатые дети – кажется, их писала Л.Т. Мид... Кроме того, некоторые из тех книжек, которые мы читали Деборе, когда та была маленькой. Помнишь, как мы все были влюблены в Винни-Пуха? Еще была «Серая курочка», но она мне никогда особо не нравилась.

– Мне кажется, что ты слишком увлеклась, – заметил Томми. – Может быть, тебе стоит прерваться на какое-то время?

– Может быть, я так и сделаю, – согласилась Таппенс. – Просто мне кажется, что если удастся разобраться с этой половиной комнаты и расставить все эти книги...

– Давай я тебе помогу, – предложил Томми.

Он подошел, поставил коробку на бок, так что книги из

нее вывалились на пол, набрал их полные руки и, подойдя к полкам, стал рассовывать по местам.

– Я расставляю их по размерам – так гораздо аккуратнее, – заметил он.

– Я бы не назвала это сортировкой, – засомневалась Таппенс.

– На первое время сойдет. Потом мы сможем вернуться к этому и привести все в порядок. Знаешь, в какой-нибудь дождливый день, когда нам больше нечем будет заняться.

– Вся проблема состоит в том, что нам всегда есть чем заняться.

– Так... вот еще семь штук засунул. Теперь остался только этот верхний угол. Подвинь сюда вон тот деревянный стул. Как думаешь, он меня выдержит? С него я смогу дотянуться до верхней полки.

Томми осторожно взобрался на стул. Таппенс подала ему стопку книг. Он сумел разместить их почти все на верхней полке. Беда случилась с последними тремя, которые свалились на пол, задев Таппенс.

– Ой, – воскликнула она. – Больно!

– Я здесь ни при чем. Стопка была слишком большой.

– Совсем неплохо смотрится, – оценила Таппенс, сделав шаг назад. – А теперь, если б ты смог поставить эти на вторую полку снизу – там есть место, – то на этом можно было бы и закончить. Просто здорово. Теперь я смогу заняться хозяйскими книгами – в них может быть масса интересного.

– Уверен в этом, – согласился Томми.

– И мы в них обязательно что-нибудь найдем. Я в этом просто уверена. Что-то, что будет стоить огромных денег.

– И что мы с этим сделаем? Продадим?

– Думаю, что нам придется это сделать, – сказала Таппенс. – Хотя можно будет оставить это себе и показывать знакомым. Не хвастаться напрямую, а просто говорить: «Знаете, а вот здесь у нас есть парочка интересных находок. Уверена, что мы найдем что-то интересное».

– А что именно? Одну из твоих любимых книг, о которой ты забыла упомянуть?

– Не совсем так. Я имею в виду что-нибудь удивительное и потрясающее. Что полностью изменит нашу жизнь.

– Послушай, Таппенс, – произнес Томми, – у тебя просто удивительное воображение. Боюсь, что здесь гораздо более вероятно найти что-то ужасное.

– Глупости, – отмахнулась от него жена. – Надо жить надеждой. Это самое главное в жизни. Надежда! Запомнил? Вот я, например, всегда полна надежд.

– Знаю, – вздохнул Томми. – И мне часто приходилось сожалеть об этом.

Глава 2

«Черная стрела»

Миссис Томас Бересфорд поставила «Часы с кукушкой» миссис Моулсворт на третью полку снизу. Теперь все творения этого автора находились в одном месте. Таппенс вытащила «Комнату, украшенную гобеленами» и задумчиво подержала ее в руках. А может быть, лучше перечитать «Ферму на четырех ветрах»? Она не так хорошо ее помнила, как «Часы с кукушкой» и «Комнату, украшенную гобеленами». Таппенс не знала, на что решиться... а ведь скоро вернется Томми.

Работа по приведению книг в порядок продвигалась. И продвигалась совсем неплохо. Если б она только не отрывалась на чтение любимых детских книг... Все это очень интересно, но занимает массу времени. Поэтому, когда Томми, вернувшись домой вечером, спросил ее: «Как продвигаются твои дела?», а она ответила ему: «Совсем неплохо», ей пришлось призвать на помощь весь свой ум и хитрость, чтобы не допустить его на второй этаж, где находились полки с книгами. Времени на них уходило очень много. Переезд в новый дом всегда более хлопотен, чем предполагается в самом начале. Да к тому же еще встречаешься с таким количеством раздражающих тебя людей... Например, эти электрики, которым совсем не понравилось все то, что они сделали во вре-

мя своего предыдущего визита. Поэтому они опять разобрали почти весь пол и с улыбками счастья на лицах создали множество новых ловушек для несчастной домохозяйки, из которых сами же потом ее и спасали.

– Иногда, – сказала как-то Таппенс, – я сожалею, что мы уехали из Бартонс-Эйкр.

– А ты вспомни ту столовую, – напомнил ей Томми, – вспомни чердаки и то, что случилось в гараже. Ты же знаешь, что машина чудом не превратилась в хлам.

– Думаю, что гараж мы смогли бы отремонтировать, – ответила ему Таппенс.

– Нет, – возразил ей муж. – Ты прекрасно знаешь, что нам надо было или заново отстраивать развалившееся здание, или переезжать. А из этого дома скоро получится настоящая конфетка. Я в этом просто уверен. По крайней мере, здесь найдется место для всего.

– Говоря «для всего», – предположила Таппенс, – ты имеешь в виду весь тот хлам, который мы хотим сохранить?

– Я знаю, что люди с трудом расстаются с барахлом, – сказал Томми. – Здесь я с тобой полностью согласен.

В тот момент Таппенс задумалась о том, будут ли они делать с этим домом что-нибудь, помимо того, что просто переедут в него. В тот момент все виделось совсем простым – но оказалось сложным. Например, из-за этих книг.

– Если б я была обыкновенным ребенком нынешнего времени, – размышляла Таппенс, – я бы никогда не выучилась

читать так рано. Нынешние четырех-, пяти- и шестилетки научатся читать только годам к десяти-одиннадцати. Не понимаю, почему мы начинали так рано. Мы ведь все умели читать. И я, и соседский Мартин, и Дженнифер, которая жила ниже по улице, и Сирил, и Уинифред. Абсолютно все. То есть я не хочу сказать, что мы могли читать все что заблагорассудится. И я не понимаю, как мы учились читать. Наверное, просто задавали вопросы. Вопросы про висящие на улице плакаты и рекламу «таблеток Картера от печени». Мы ведь всё узнавали про них, пока поезд подъезжал к Лондону. Как это было здорово! Они меня всегда ужасно интересовали... Боже, мне надо быть повнимательнее.

Таппенс переставила еще несколько книг. Следующие три четверти часа она провела за изучением сначала «Алисы в Зазеркалье», а потом «Неизвестных историй» Шарлотты Янг. Пальцы Таппенс машинально перелистывали страницы толстой «Цепи маргариток». «Это надо обязательно перечитать, – подумала она. – Только подумать, сколько лет прошло с тех пор, как я прочитала это в первый раз... Как же это тогда было интересно! Особенно эта интрига относительно того, подтвердятся ли показания Нормана. И Этель в... как же называлось то место?... что-то вроде Коксвелла; и Флора, которая была такой мирской женщиной... Интересно, почему все в те времена были «мирскими»? И почему о людях, которые любили мирские блага, в те времена так плохо думали? Интересно, а какие мы сейчас? Все еще мир-

ские или нет?»

– Простите, мадам?

– Нет, ничего, – ответила Таппенс, оборачиваясь и натываясь взглядом на своего верного оруженосца Альберта, который только что вошел в комнату. Она и не заметила, что говорит вслух.

– Мне показалось, что вам что-то понадобилось, мадам. Вы ведь звонили в звонок?

– Не совсем так, – ответила Таппенс. – Я просто случайно нажала на него, когда взбиралась на стул, пытаюсь достать книгу.

– Могу ли я вам помочь?

– Было бы неплохо, – согласилась Таппенс. – Я все время падаю с этих стульев. То они слишком шаткие, то слишком скользкие...

– Вас интересует определенная книга?

– Я еще не просмотрела третью полку. Третью, если считать сверху. Не знаю, что за книги там стоят.

Альберт взобрался на стул и, тщательно вытирая пыль, которая скопилась на корешках, стал передавать книги вниз. Таппенс с восторгом брала их у него.

– Ты только посмотри на все эти сокровища! Я и в правду многие из них забыла. Вот «Амулет» и «Псамаяд», а вот «Новые охотники за сокровищами»... Просто обожаю. Нет, Альберт, не убирай их на полки. Думаю, что сначала я их перечитаю. Ну, не все, а парочку. Дай-ка посмотреть... «Крас-

ная кокарда»... Ах да, это что-то историческое. Когда-то мне понравилось. А вот и «Под красным плащом». Очень много Стэнли Уэймана. Очень, очень много. Конечно, я все их прочитала, когда мне было лет десять-одиннадцать. Не удивлюсь, если обнаружу здесь «Узника Зенды»... – Вспомнив об этой книге, Таппенс испустила восторженный вздох. – «Узник Зенды»! Мое первое романтическое произведение. Любовь принцессы Флавии. Король Руритании. Рудольф Рассендил, или что-то в этом роде, который являлся мне в сновидениях.

Альберт протянул ей новую стопку.

– Ну вот. Это еще лучше. Тоже один из моих первых романов. Все первое надо будет поставить вместе. Посмотрим, что у нас здесь? «Остров сокровищ»... Здорово, но я его уже не раз перечитывала, а потом видела два фильма по этой книге. Фильмы мне не понравились – чего-то в них не хватает... А вот и «Похищенный»⁶. Вот это мне всегда нравилось.

Альберт набрал еще книг, не удержал, и одна из них, «Катриона», свалилась Таппенс прямо на голову.

– Простите, мадам. Мне очень жаль.

– Ничего страшного, – ответила она. – «Катриона»... А там есть еще Стивенсон?

Теперь Альберт передавал книги гораздо осторожнее.

– Ты только подумай! – закричала от восторга Таппенс. –

---

⁶ «Остров сокровищ», «Похищенный», «Катриона», «Черная стрела» – знаменитые романы Р.Л. Стивенсона.

«Черная стрела»! Да это же одна из самых первых книг, которые я прочла самостоятельно. Не думаю, что ты ее читал, Альберт. То есть я хочу сказать, что ты тогда вряд ли родился. Дайка подумать... «Черная стрела». Ну да, там еще на стене висела картина, сквозь глаза которой можно было подглядывать... Потрясающе. Тогда мне было так страшно... Милая «Черная стрела». Как там говорилось? Что-то про кошку? Или собаку? Ах, нет: «Кошка, крыса и Ловелл-пес правили Англией под Кабаном». Вот как. А Кабан – это, естественно, Ричард Третий. Хотя нынче все пишут о том, каким он был хорошим. И совсем не злодей. Но я в это не верю. Так же, как не верил Шекспир. Ведь именно он начинает пьесу фразой Ричарда: «Я проклял наши праздные забавы – и бросился в злодейские дела...»⁷ Вот так. «Черная стрела»...

– Еще книги, мадам?

– Спасибо, достаточно, Альберт. Мне кажется, я слишком устала, чтобы продолжать.

– Хорошо. Кстати, звонил хозяин и сообщил, что задержится на полчаса.

– Хорошо, – ответила Таппенс.

Она уселась в кресло, открыла «Черную стрелу» и погрузилась в чтение. Наконец произнесла:

– Боже, как прекрасно... Я забыла достаточно, чтобы получить удовольствие от чтения. Как это интересно...

---

⁷ У. Шекспир. «Ричард III». Пер. А.В. Дружинина.

В комнате повисла тишина. Альберт вернулся на кухню. Таппенс откинулась в кресле. Время шло. Свернувшись в довольно потертом кресле, миссис Томас Бересфорд наслаждалась прошлым, полностью погрузившись в изучение «Черной стрелы» Роберта Льюиса Стивенсона.

На кухне время тоже бежало. Альберт занимался приготовлением обеда. Подъехала машина. Слуга подошел к боковой двери.

– Поставить машину в гараж, сэр?

– Нет, – ответил Томми. – Я сам все сделаю. Ты ведь занят обедом? Я очень опоздал?

– Да нет, сэр. Точно, как вы и говорили. Даже чуть раньше.

– Ах, вот как, – Томми поставил машину в гараж и, потирая руки, вошел на кухню. – Сегодня прохладно. А где Таппенс?

– Хозяйка наверху, занимается книгами.

– Что, все еще эти несчастные книги?

– Да. Сегодня она очень много сделала и бóльшую часть времени провела за чтением.

– О боже, – сказал Томми. – Ну хорошо, Альберт. Что у нас сегодня на обед?

– Филе камбалы, сэр. Через минуту все будет готово.

– Отлично. Подавай минут через пятнадцать. Я хочу сначала вымыться.

Таппенс наверху, свернувшаяся в потрепанном кресле, все еще была погружена в «Черную стрелу». На лбу у нее

появились чуть заметные морщинки. Миссис Бересфорд столкнулась со странным феноменом – иначе, чем интерференцией, назвать его она не могла. На той странице, на которой она остановилась – то ли на 64-й, то ли на 65-й, точно она не видела, – некоторые слова казались подчеркнутыми. Последнюю четверть часа Таппенс изучала этот феномен. Она не понимала, по какому принципу их подчеркнули. Они шли не по порядку, и это не была цитата. Казалось, что их сначала выбрали, а потом подчеркнули красными чернилами. Про себя она прочитала:

Мэтчем тихонько вскрикнул. Даже Дик вздрогнул и выронил крючок. Но людей, сидевших на поляне, стрела эта не испугала; для них она была условным сигналом, которого они давно ждали. Все разом вскочили на ноги, затягивая пояса, проверяя тетивы, вытаскивая из ножен мечи и кинжалы... Эллис поднял руку; лицо его озарилось неукротимой энергией, белки глаз ярко засверкали на загорелом лице.

– Ребята, – сказал он, – вы все знаете...

Тут Таппенс затрясла головой. Во всем этом нет смысла. Никакого.

Она подошла к письменному столу и нашла несколько листков бумаги, которые им недавно прислали продавцы писчей бумаги; хозяева должны были выбрать ту, на которой будет красоваться название их нового поместья – «Лавры». Странное название, подумала Таппенс. Правда, если каждый владелец начнет менять имена по своему усмотрению,

то письма вообще перестанут доходить.

Она тщательно переписала подчеркнутые слова и заметила то, на что сначала не обратила внимания.

– Так вот в чем вся разница, – произнесла Таппенс, разыскивая буквы на странице.

– Вот ты где, – внезапно раздался голос Томми. – Обед практически готов. Как продвигаются твои дела с книгами?

– Все это очень загадочно, – ответила Таппенс. – Чертовски таинственно.

– Что именно?

– Вот «Черная стрела» Стивенсона. Мне захотелось ее перечитать. Сначала все было в порядке, как вдруг... страницы стали выглядеть довольно странно, потому что многие слова оказались подчеркнуты красными чернилами.

– Действительно странно, – согласился Томми. – И я вижу, что не все слова выделены красным. Я хочу сказать, что кто-то специально выбирал эти слова для подчеркивания. Знаешь, как когда хочешь выделить цитату, или что-то в этом роде. Ну, ты меня понимаешь.

– Я тебя понимаю, – согласилась Таппенс, – но все это не так. Главное здесь – буквы.

– Что ты хочешь этим сказать?

– А вот подойди сюда.

Томми подошел, уселся на подлокотник и стал читать:

«Мэтчем вскрикнул даже вздрогнул выронил людей на полянке не испугала мечи руку, – этого я не могу прочитать, –

лицо озарилось сверкали...» – Бред какой-то, – заключил он.

– Вот именно, – согласилась Таппенс. – Я сначала тоже так подумала. Это выглядит как настоящий бред – но это не так, Томми.

Снизу раздался звук гонга.

– Обед готов.

– Не обращай внимания, – отмахнулась Таппенс. – Сначала я тебе все расскажу. Обсудить мы это можем и позже, но все это совершенно невероятно. Я просто должна тебе немедленно все рассказать.

– Ну, хорошо. Одно из твоих ничем не вызванных подозрений?

– Вообще нет. Понимаешь – я обратила внимание только на буквы. Вот здесь, на этом листочке – вот подчеркнутая буква М, а после нее буква Э. После этого идет еще несколько слов, в книге никак не связанных. Эти слова просто выбрали и подчеркнули в них буквы, потому что тот, кто это делал, искал необходимые ему буквы. Вот буквы Р и И, подчеркнутые в слове *вскрикнул*, а потом буквы Д и Ж в слове *даже*. И так далее и тому подобное.

– Умоляю тебя, – сказал Томми, – не надо продолжать.

– Подожди, – возразила Таппенс. – Я должна понять. Теперь, когда я выписала эти буквы, ты видишь, что из них получается? То есть если их выписать по порядку на листке бумаги, то первое слово получается М-Э-Р-И. Вот первые четыре подчеркнутые буквы.

– И что из этого?

– Это женское имя *Мэри*.

– Ну, хорошо, – согласился Томми, – женское имя Мэри.

То есть какую-то женщину зовут Мэри. Скорее всего, это девочка с живым воображением, которая таким образом пытается сообщить всему свету, что книжка принадлежит ей. Люди всегда пишут на книгах свои имена и все такое.

– Вот видишь – Мэри, – продолжила Таппенс. – А следующее слово, которое складывается из подчеркнутых букв, – Джордан.

– Вот видишь. Мэри Джордан, – повторил Томми. – Все очень просто. Владелицу книги звали Мэри Джордан.

– А вот и нет. В самом начале на ней написано совсем детским почерком, что она принадлежит Александру. Александру Паркинсону, если не ошибаюсь.

– Ну и что? Разве это так важно?

– Конечно важно, – ответила Таппенс.

– Пошли уже, я проголодался, – сказал Томми.

– Потерпи, – твердо сказала она. – Я только прочитаю тебе то, что написано подчеркнутыми буквами в этой книге. По крайней мере, на следующих четырех страницах. Буквы выбирались откуда угодно, поэтому сами слова нам ничего не скажут. Еще раз: важны здесь только буквы. Итак: у нас уже есть М-э-р-и Д-ж-о-р-д-а-н. Хочешь знать следующие четыре слова? Н-е у-м-е-р-л-а с-в-о-е-й с-м-е-р-т-ю. Мягкий знак пропущен, но, может быть, писавший не знал, что здесь он

необходим. И что же мы получаем? *Мэри Джордан не умерла своей смертью.* Вот так. – Голос Таппенс звучал торжественно. – Дальше идут фразы – *Это должен быть один из нас. Думаю, я знаю кто.* Вот и все. Больше я ничего не смогла найти. Но и это уже интересно, не так ли?

– Послушай, Таппенс, – сказал Томми, – ты ведь не собираешься заняться всей этой ерундой?

– Что ты имеешь в виду под «ерундой»?

– Эту якобы загадку.

– Но для меня это самая настоящая загадка, – заметила Таппенс. – *Мэри Джордан не умерла своей смертью. Это должен быть один из нас. Думаю, я знаю кто.* Томми, ну согласишься, что это звучит уж-ж-жасно интригующе.

Глава 3

Визит на кладбище

– Таппенс! – позвал Томми, вернувшись домой.

Ему никто не ответил. Слегка расстроившись, он взбежал по лестнице и прошел по коридору второго этажа. Идя по нему, чуть не попал в зияющее отверстие в полу и выругался.

– Опять один из этих идиотов-электриков...

Данная проблема возникла несколько дней назад. Электрики, полные энтузиазма, появились у них в доме и приступили к работе.

– Теперь все уже почти готово, осталась самая малость, – сказали они. – После ланча мы вернемся.

Но после ланча они не появились; правда, Томми это не сильно удивило. Он уже успел привыкнуть к стандартам, существующим в среде строителей, газовщиков и электриков. Они появлялись, демонстрировали свой профессионализм, делали оптимистичные замечания и уходили, чтобы что-то принести. И больше не возвращались. Когда им начинали звонить, все телефонные номера почему-то оказывались неправильными. А если и были правильными, то именно этот человек уже не работал по данной специальности. Поэтому оставалось только быть очень внимательным и стараться не сломать колено, не провалиться в какую-нибудь дыру и не причинить еще какой-нибудь вред своему здоро-

вью. И в этом отношении Томми гораздо больше беспокоила Таппенс, чем он сам. У него на этот счет опыта было побольше. А вот Таппенс, размышлял он на ходу, гораздо больше подвержена травмам от чайников и плит, чем он... Но куда же она делась? Он позвал еще раз.

– Таппенс! Таппенс!

Томми действительно беспокоился о ней. Она принадлежала к той породе людей, о которых нельзя не беспокоиться. Каждый раз, покидая дом, ему приходится вкладывать в ее голову житейскую мудрость, и каждый раз она обещала ему строго выполнять его заветы: не выходить одной, разве что только за маслом – ведь в этом трудно усмотреть какую-то опасность, правда?

– Опасным это может стать только в том случае, если это сделаешь *ты*.

– Послушай, – отвечала в этом случае Таппенс, – не будь идиотом.

– А я не идиот, – отвечал ей Томми. – Я просто мудрый и осторожный муж, который охраняет одно из своих самых дорогих приобретений. Уж не знаю почему...

– Потому, – отвечала обычно Таппенс, – что я такая очаровательная и такая хорошенькая. А кроме того, я прекрасный спутник жизни и очень тебя люблю.

Так где же она теперь?

Чертовка, подумал Томми. Наверняка куда-то ушла.

Он направился в ту комнату, где нашел ее накануне. На-

верное, погружена в какую-то детскую книжку, предположил Томми. И опять волнуется из-за каких-нибудь глупых слов, которые очередной глупый ребенок подчеркнул в ней красными чернилами. Размышляет о Мэри Джордан, кем бы та ни была. О той самой Мэри Джордан, которая умерла не своей смертью. Томми тоже думал об этом. Наверное, это было очень давно, ведь люди, которые продали им этот дом, носили фамилию Джонс. И жили они в этом доме не так уж долго – года три, максимум четыре. Так что ребенок, которому принадлежала книга Стивенсона, должен был жить здесь гораздо раньше... В любом случае, в этой комнате Таппенс тоже не оказалось. И нигде не было видно никаких книг, которыми интересовались бы в последнее время.

– Где же, черт побери, она может быть? – в очередной раз спросил себя Томми. Он спустился вниз и громко позвал ее еще пару раз. Никакого ответа. Бересфорд осмотрел одну из вешалок в холле. Никаких признаков макинтоша Таппенс. Значит, она все-таки вышла. И куда пошла? И где Ганнибал? Томми решил сменить подход и громко позвал его.

– Ганнибал! Ганнибал! Эй, парень! Давай выходи.

Ганнибал тоже не появился.

Ну что же, значит, он вместе с Таппенс, подумал Томми.

Он никак не мог решить, было ли то, что Ганнибал сопровождал Таппенс, плюсом или минусом. С одной стороны – Ганнибал ни за что не позволит, чтобы Таппенс причинили вред. Вопрос заключался в том, может ли сам Ганнибал при-

чинить вред другим людям? Он всегда с удовольствием ходил в гости, но вот люди, которые приходили в гости к нему, в те дома, где он жил, мгновенно попадали у него под подозрение. Поэтому Ганнибал всегда был готов лаять или кусаться в случае, если таковая необходимость возникнет... Да куда же все подевались, в самом деле?

Томми прогулялся по улице, но не увидел ни небольшой черной собаки, ни среднего роста женщины в ярко-красном макинтоше. Наконец, сильно разозлившись, он вернулся в дом.

Здесь Томми почувствовал очень аппетитный запах и немедленно прошел на кухню. И там увидел Таппенс, которая, улыбаясь, приветствовала его.

– Ты здорово опоздал, – заметила она. – Это сборная солянка. Пахнет вполне себе ничего – как думаешь? На этот раз я положила в нее несколько необычных ингредиентов. В саду растет несколько кулинарных трав – так я, по крайней мере, надеюсь...

– А если это не так, – заметил Томми, – то, скорее всего, это были сонная одурь или листья наперстянки пурпурной⁸, притворяющиеся чем угодно, но только не тем, чем они являются на самом деле... Где, ради всего святого, ты была?

– Выгуливала Ганнибала.

---

⁸ Наперстянка пурпурная – многолетнее травянистое растение, иногда используемое в украшении сада; содержит дигиталис, вещество, при передозировке являющееся смертельным ядом.

В это момент Ганнибал решил все-таки показаться. Он набросился на Томми с такой радостью, что чуть не сбил его с ног. Ганнибал был небольшой черной собакой, с очень блестящей шерстью и интересными подпалинами на спине и на брылах. Он принадлежал к чистокровным манчестерским терьерам и считал себя большим аристократом и умницей, чем любая другая собака, с которой ему приходилось встречаться.

– Боже, я выходил, но вас нигде не было. Где вы пропадали? Погода не располагает к прогулкам.

– Ты совершенно прав. Сплошной туман и дымка. Я... я здорово устала.

– А куда вы ходили? За покупками?

– Нет. И вообще магазины сегодня закрыты. Нет... я ходила на кладбище.

– Звучит довольно мрачно, – заметил Томми. – А зачем ты туда ходила?

– Чтобы посмотреть на могилы.

– И все равно, выглядит все это довольно мрачно. А Ганнибалу понравилось?

– Мне пришлось держать его на поводке. Из церкви периодически появлялся какой-то служитель, и мне показалось, что Ганнибал ему не очень понравится. Тот тоже вполне мог его невзлюбить, а мне не хотелось настраивать кого-либо против нас в самый первый визит.

– А что ты искала на кладбище?

– Мне просто хотелось посмотреть, кого там хоронят. Могил там просто тьма. Должна сказать, что кладбище абсолютно заполнено. Думаю, что оно очень старое. Никак не моложе восемнадцатого века, а некоторые могилы выглядят гораздо старше – просто камни, да такие древние, что на них ничего не прочитаешь.

– И все-таки я не могу понять, что тебе там понадобилось?

– Я провожу свое расследование, – ответила Таппенс.

– Какое расследование?

– Хотела узнать, не похоронен ли там кто-нибудь из Джорданов.

– Господь и все святые угодники, – воскликнул Томми. – Тебя это все еще интересует? Ты что, искала...

– Послушай, Мэри Джордан умерла. Мы это знаем. И знаем это, потому как в книге написано, что умерла она не своей смертью. При этом ее где-то должны были похоронить, не так ли?

– Без сомнения, – согласился Томми. – Если только ее не закопали в этом саду.

– Думаю, это маловероятно, – заметила Таппенс. – Потому что только этот ребенок – то ли мальчик, то ли девочка (хотя я считаю, что это был мальчик, которого звали Александр) – считал, что знает, что умерла она не своей смертью. Но если он был единственным, кто это знал, или умудрился выяснить это, то никто больше об этом ничего не знал, правильно? То есть она умерла, ее похоронили, и никому в го-

лову не пришло...

– Никому в голову не пришло, что здесь может иметь место какая-то грязная игра, – закончил за нее Томми.

– Вроде того. Ее могли отравить, ударить по голове, столкнуться со скалы, задавить машиной – да мало ли вариантов существует?

– Уверен, что немало, – сказал Томми. – У тебя есть одно достоинство, Таппенс, – доброе сердце. Ты никогда не рассматриваешь убийства ради удовольствия.

– Но на кладбище не оказалось никакой Мэри Джордан. Там вообще не было Джорданов.

– Ты, наверное, разочаровалась, – заметил Томми. – Как думаешь – эта штука, которую ты готовишь, уже готова? Я здорово голоден, а пахнет она божественно.

– Она уже полностью дошла, – ответила Таппенс. – Так что мой руки – и за стол.

Глава 4

Кругом одни Паркинсоны

– Очень много Паркинсонов, – продолжила свой рассказ Таппенс за едой. – Хоронят их здесь довольно давно, и количество могил просто поражает. Старые, молодые и женатые. Кладбище ими просто забито. Есть Кейпы, Гриффины, Андервуды и Овервуды. Странно, что есть и те, и другие, правда?⁹

– У меня был друг, которого звали Джордж Андервуд, – заметил Томми.

– Я тоже знавала несколько Андервудов. Но Овервуды...

– Мужчин или женщин? – спросил Томми с некоторой заинтересованностью.

– Кажется, это была девушка. Роуз Андервуд.

– Роуз Андервуд, – повторил Томми, как бы пробуя слова на вкус. – Не знаю почему, но мне кажется, что звучит просто здорово... Надо будет позвонить этим электрикам после ланча, – добавил он. – Будь очень внимательна, Таппенс, а то провалишься на лестничной площадке.

– Тогда это будет или естественная, или неестественная смерть – одно из двух.

---

⁹ Игра слов. Андервуды (Underwoods) можно перевести с английского как «живущие под сенью леса», а Овервуды (Overwoods) – как «живущие над лесом».

– Это будет смерть от любопытства, – заметил Томми. – Любопытство сгубило кошку...

– А ты разве совсем нелюбопытен? – поинтересовалась Таппенс.

– А я не вижу никаких причин для любопытства. Что у нас сегодня вместо пудинга?

– Пирог с патокой.

– Что ж, Таппенс, должен признать, что ланч просто великолепен.

– Рада, что тебе понравилось, – ответила миссис Бересфорд.

– А что это за коробка стоит у задней двери? Это что, вино, которое мы заказали?

– Нет, это луковицы, – объяснила Таппенс.

– Ах, луковицы, – повторил Томми.

– Луковицы тюльпанов, – закончила она свою мысль. – Надо будет поговорить о них со стариной Исааком.

– А где ты собираешься их высаживать?

– Думаю, вдоль центральной дорожки в саду.

– Этот старик, он выглядит так, будто может умереть в любую минуту, – заметил Томми.

– Вовсе нет, – возразила Таппенс. – Исаак невероятно крепок. Знаешь, я заметила, что это относится ко всем садовникам. Если это хорошие садовники, то они входят в настоящую силу уже после восьмидесяти – а вот если крепкий, дюжий мужик тридцати пяти лет говорит, что всегда мечтал

работать в саду, можешь быть уверен, что он ни на что не годен. Будет просто время от времени сметать упавшие листья, а когда попросишь его что-то сделать, то начнет объяснять, что «не тот сезон». А так как мало кто что знает про эти «сезоны» – я, по крайней мере, не знаю, – то заставить их работать просто невозможно. А Исаак – просто прелесть. Он знает абсолютно все, – добавила Таппенс. – Я еще крокусы заказывала. Интересно, их тоже прислали? Пойду взгляну. Сегодня Исаак должен работать у нас, и он все мне расскажет.

– Хорошо, – согласился Томми. – Я присоединюсь к вам попозже.

Таппенс с удовольствием встретилась с Исааком. Луковицы были распакованы, и они обсудили, где их лучше всего высадить для достижения максимального эффекта. Сначала ранние сорта, которые должны показаться в конце февраля; потом они не забыли про махровые попугайные тюльпаны¹⁰, и тюльпаны, которые, насколько помнила Таппенс, назывались *viridiflora*¹¹ и должны были особенно эффектно смотреться на своих длинных стеблях в мае – начале июня. Так как они были необычного зеленого цвета с пастельным оттенком, то их решено было высадить отдельным островком в тихой части сада, где их можно будет срезать для цветочных

---

¹⁰ Листочки околоцветника могут иметь любую форму, кроме нормальной: резную, скрученную винтом, волнистую и т. д.

¹¹ Зеленоцветные тюльпаны.

аранжировок в гостиной. Хотя при входе в дом через передние ворота они тоже смотрелись бы очень неплохо, вызывая ревность и зависть входящих. Может быть, им даже удалось бы вызвать прилив артистизма у приказчиков, привозивших мясные туши и коробки с бакалеей...

К четырем часам дня Таппенс приготовила на кухне большой коричневый чайник с крепким английским чаем, поставила рядом с ним наполненную пиленным сахаром сахарницу и молочник и предложила Исааку слегка освежиться перед уходом. Сама она отправилась на поиски Томми. Скорее всего, он где-то дрыхнет, размышляла Таппенс, переходя из комнаты в комнату.

Вид торчащей из-под пола головы на лестничной площадке доставил ей удовольствие.

– Теперь уже все в порядке, мэм, – сказал электрик, – вы можете спокойно ходить. Все надежно закреплено. – И он добавил, что на следующее утро собирается заняться другой частью дома.

– Надеюсь, – сказала Таппенс, – что вы действительно появитесь завтра. А вы, случайно, не видели мистера Бересфорда? – добавила она.

– Это вы про своего мужа? Мне кажется, что он на верхнем этаже. Он там что-то ронял. И, судя по звуку, что-то тяжелое. Скорее всего – книги.

– Книги? – удивилась Таппенс. – Ни за что бы ни подумала.

Электрик исчез в своем персональном подzemелье в коридоре, а Таппенс направилась в мезонин, где они устроили дополнительную комнату для детских книг.

Томми сидел на стремянке. На полу вокруг него лежали несколько книг, а на полках зияли пустоты.

– Ах, вот ты где, – сказала Таппенс. – И это после того, как убеждал меня, что тебя ничего не интересует... А ты много книжек просмотрел, это правда. И порушил весь мой порядок.

– Извини, – покаялся Томми, – но, знаешь, я решил немного осмотреться.

– И что, нашел другие книги, в которых что-то подчеркнуто красными чернилами?

– Нет. Никаких следов.

– Какое разочарование...

– Думаю, что это все шуточки мастера¹² Александра Паркинсона, – решил Томми.

– Правильно, – согласилась Таппенс. – Одного из многочисленных Паркинсонов.

– Знаешь, мне кажется, что он был довольно ленивым мальчиком, хотя – и это очевидно – в подчеркивании этих букв в книге не было ничего увлекательного. А вот никакой информации о Джордан больше нет.

– Я спросила о ней Исаака. Он знает массу людей в окрестностях. И не помнит никого по фамилии Джордан.

---

¹² Мастер – традиционное вежливое обращение слуг к сыну-подростку хозяев.

– А что ты собираешься делать с медной лампой, которая стоит у входной двери? – спросил Томми, когда они спустились вниз.

– Собираюсь отвезти ее на благотворительный базар, – ответила Таппенс.

– С чего это вдруг?

– С самого начала она была просто ужасна. Мы ведь купили ее где-то за границей, нет?

– Да, и мне кажется, что у нас был момент краткого умопомрачения. Тебе она никогда не нравилась. Ты даже говорила, что ненавидишь ее. И я с этим согласен. А кроме того, она очень тяжелая, просто чертовски тяжелая.

– А вот мисс Сандерсон была счастлива, когда я сказала ей, что привезу эту лампу. Она даже хотела прислать за ней кого-нибудь, но я сказала, что привезу ее на машине. Так что сегодня этот день наступил.

– Если хочешь, ее отвезу я.

– Нет, мне хочется сделать это самой.

– Хорошо, – согласился Томми. – Тогда я просто поеду с тобой и помогу тебе выгрузить ее.

– Думаю, что помощника найти будет несложно, – ответила ему Таппенс.

– Может, да, а может, и нет. Самой тебе напрягаться ни в коем случае нельзя.

– Хорошо, – сдалась Таппенс.

– У тебя что, есть еще какие-то причины поехать туда са-

мой?

– Я просто подумала, что смогу порасспросить людей, – объяснила она.

– Я никогда не знаю, что ты собираешься делать, Таппенс, но хорошо знаю этот твой взгляд, когда ты действительно собираешься что-то сделать.

– Выгуляй лучше Ганнибала, – предложила миссис Бересфорд. – С собой я его взять не смогу. Совсем не хочу стать участницей собачьих боев.

– Хорошо. Гулять пойдешь, Ганнибал?

Пес, по укоренившейся привычке, ответил утвердительно. А его согласие или несогласие не заметить было просто невозможно. Он изогнулся всем телом, замахал хвостом, поднял лапу, потом опять поставил ее на пол и сильно потерся головой о ногу Томми. «Ну конечно, – говорил он всем своим видом. – Ведь именно для этого ты и существуешь, мой дорогой слуга. И сейчас мы с тобой прогуляемся по улице. Надеюсь, что там будет много ароматов».

– Тогда пошли, – сказал Томми. – Я возьму с собой поводок; и не вздумай выбегать на проезжую часть, как в последний раз. Еще немного, и один из этих «длинных транспортных»¹³ тебя прикончил бы.

На морде Ганнибала было написано: «Я очень хорошая собака и всегда делаю то, что мне говорят». И хотя это и было

---

¹³ Так бывает написано на фурах для междугородных перевозок (англ. LONG VEHICLE).

ложью от начала до конца, данное выражение часто вводило в заблуждение даже тех людей, которые хорошо знали Ганнибала.

Томми загрузил медную лампу в машину, еще раз отметив, что она очень тяжелая, и Таппенс уехала. Проследив, как она завернула за угол, Томми застегнул поводок на шею собаки и вышел с ним на улицу. Там он свернул в переулок, ведущий к церкви, и отстегнул поводок, потому что здесь транспорта практически не было. Ганнибал поблагодарил его, громко фыркнув, и приник носом к клочкам травы, которые были разбросаны у стены, идущей вдоль переулка. Если б он умел говорить, то сказал бы следующее: «Изумительно. Какие богатые запахи. Здесь проходила большая собака. Скорее всего, эта ужасная немецкая овчарка. Здесь раздавалось низкое рычание. Терпеть не могу немецких овчарок. Если опять встречу ту, что укусила меня тогда, то цапну ее в ответ. Боже, как это восхитительно!.. Здесь пробежала маленькая сучка. Да, да – мне бы хотелось с ней встретиться. Она, скорее всего, из этого дома... Сейчас проверим».

– Немедленно выйди из ворот, – приказал Томми. – И не заходи не на свои участки.

Пес притворился, что ничего не слышит.

– Ганнибал!

Тот во всю прыть бросился к углу дома, за которым скрывалась кухня.

– Ганнибал! – закричал Томми. – Ты слышишь, что я го-

ворю?!

«Слышу ли я вас, хозяин? – ответил Ганнибал. – А вы разве что-то сказали?.. Ах, ну да, конечно».

Услышав резкий лай, доносившийся из кухни, он стремглав присоединился к хозяину и теперь бежал в нескольких дюймах от ног Томми.

– Хороший мальчик, – сказал хозяин.

«Конечно, хороший, а как же еще? Как только тебе потребуется моя помощь – я тут, рядом, всего в одном футе».

Они подошли к боковым воротам, которые вели на кладбище. Ганнибал, который совершенно непостижимым образом умел менять свои размеры в зависимости от желания – вместо того чтобы остаться широкоплечей и немного полноватой собакой, он в любой момент мог вытянуться просто в черную нитку – без всяких усилий пролез между их прутьями.

– Вернись, Ганнибал, – велел ему Томми. – Тебе нельзя на кладбище.

На это Ганнибал мог бы, если б захотел, ответить: «А я уже на кладбище, хозяин». Он носился по кладбищу с видом собаки, которую выпустили погулять в особенный очаровательный садик.

– Ты очень плохая собака! – произнес Томми.

Он открыл ворота, вошел и стал ловить Ганнибала с поводком в руке. Последний как раз находился у самой церкви и всем своим видом показывал, что собирается восполь-

зоваться слегка приоткрытой дверью и проникнуть внутрь. Однако Томми успел догнать его и взять на поводок. Ганнибал взглянул на него так, как будто хотел этого с самого начала.

«Берешь на поводок? – как бы произнес он. – Ну конечно. Я знаю, что это престижно. Это доказывает, насколько я ценная собака». И завилял хвостом.

Так как никто вокруг не возражал против того, чтобы Ганнибал гулял по кладбищу, находясь на поводке у своего хозяина, Томми стал разглядывать могилы, как бы проверяя еще раз ту информацию, которую Таппенс собрала накануне. Сначала он осмотрел древний каменный памятник, который располагался совсем рядом с небольшой дверью, которая вела в церковь. Этот памятник был, пожалуй, самым древним на кладбище. Там их размещалось несколько, и на большинстве стояли даты, относившиеся к XVIII веку. Однако именно этот заинтересовал Томми больше всего.

– Странно, – сказал он себе под нос. – Чертовски странно.

Подняв голову, Ганнибал посмотрел на своего хозяина. Он не понял, что тот сказал. Для него, как для собаки, в памятнике не было ничего интересного. Поэтому пес уселся на задние лапы и вопросительно уставился на хозяина.

Глава 5

Благотворительный базар «Белый слон»¹⁴

I

Таппенс была приятно удивлена, когда лампа, к которой они с Томми относились с такой антипатией, была принята организаторами столь тепло и благодарно.

– Как мило с вашей стороны, миссис Бересфорд, привезти нам такую очаровательную вещицу. Очень, очень интересно... Наверно, вы купили ее где-то за границей, во время ваших путешествий?

– Да, – ответила Таппенс. – Мы купили ее в Египте.

В этом она сильно сомневалась, потому что с момента покупки прошло лет восемь-десять. Они могли купить ее в Дамаске, подумала Таппенс, или в Багдаде, а может быть, и в Тегеране. Но Египет показался ей более интересным, потому что в последнее время не сходил с первых страниц газет. А кроме того, лампа действительно выглядела вполне «египетской». И даже если она купила ее в какой-то другой стране,

---

¹⁴ В переносном смысле используется для обозначения «обременительного, никому не нужного имущества».

все равно лампа относилась к тому периоду, когда копировать египетские мотивы было модно.

– Понимаете, – пояснила Таппенс, – для нашего дома она великовата, и я подумала...

– Уверена, что мы должны разыграть ее в лотерею, – сказала мисс Литтл.

Мисс Литтл в некотором роде отвечала за организацию базара. У нее было прозвище Приходской Звонарь, в основном потому, что она была в курсе всех событий, происходивших в округе. Фамилия ее могла ввести в заблуждение¹⁵, так как на самом деле она была крупной, дородной женщиной соответствующих пропорций. Звали ее Дороти, но все предпочитали называть ее «Дотти».

– Надеюсь, вы появитесь на базаре, миссис Бересфорд? Таппенс заверила ее, что обязательно будет.

– Мне так не терпится что-нибудь купить... – произнесла она тоном завзятой болтушки.

– Очень рада, что у вас такой настрой.

– Мне кажется, что это прекрасная идея, – продолжила Таппенс. – Я имею в виду благотворительный базар. Потому что это... ведь это же так, правда? Для кого-то – ненужная обуза, а для кого-то – настоящая драгоценность.

– И мы обязательно *должны* донести это до vicar, – заметила мисс Прайс-Ридли, угловатая женщина с большим количеством зубов. – Я просто уверена, что он будет в вос-

---

¹⁵ По-английски Литтл значит «маленький».

торге.

– Например, вот эта емкость из папье-маше, – продолжила Таппенс, поднимая свой трофей.

– И вы думаете, что кто-нибудь это купит?

– Я сама ее куплю, если она будет продаваться, когда я приеду завтра, – ответила Таппенс.

– Но ведь теперь есть такие миленькие пластмассовые емкости для мытья...

– Я не большая поклонница всяких пластмасс, – пояснила Таппенс. – А вот это действительно отличная емкость из папье-маше. Я хочу сказать, что если сложить в нее посуду – например, фарфор, – то она не разобьется. А еще я вижу старинную открывашку для консервов. Таковую, как эта, с головой быка, нынче днем с огнем не сыщешь.

– Но ведь открывать банки руками так тяжело... Разве вам не кажется, что электрические открывашки гораздо удобнее?

Это обсуждение продолжалось какое-то время, а потом Таппенс спросила, не может ли она чем-то помочь организаторам.

– Может быть, миссис Бересфорд, вы займетесь организацией стенда? Уверена, что у вас очень артистическая натура.

– Совсем наоборот, – ответила Таппенс. – Но, тем не менее, я с удовольствием займусь этим. Только сразу же скажите, если я буду делать что-то не так, – добавила она.

– Как мило, что у нас появилась еще одна помощница!

Мы так рады, что вы к нам переехали... Надеюсь, что вы уже почти устроились.

– Я тоже на это надеялась, – ответила Таппенс, – но мне кажется, что это произойдет еще не скоро. Эти электрики, строители и другие – просто ужасные люди. Они постоянно что-то не доделывают до конца.

Возник небольшой диспут, в результате которого люди, окружавшие Таппенс, полностью поддержали ее претензии к электрикам и газовщикам.

– Газовщики – это полный ужас, – твердым голосом произнесла мисс Литтл. – Ведь они, понимаете ли, добираются сюда от самого Нижнего Стэмфорда. А электрики приезжают из Уэлбанка.

Появление vicar, который пришел для того, чтобы поддержать организаторов и поприветствовать помощников, заставило их сменить тему разговора. Vicar также отметил, что чрезвычайно рад познакомиться со своей новой прихожанкой, миссис Бересфорд.

– Мы всё про вас знаем, – сказал он. – Поверьте. Про вас и вашего мужа. Как раз пару дней назад у меня был очень интересный разговор по вашему поводу. У вас, должно быть, была очень насыщенная жизнь... Но об этом говорить нельзя, поэтому я лучше помолчу. Я имею в виду последнюю войну. Вы с мужем вели себя просто великолепно.

– Расскажите, vicar, – попросила одна из дам, отвлекаясь от витрины, на которой она расставляла банки с раз-

ными джемами.

– Мне самому рассказали это под большим секретом, – ответил викарий. – Мне показалось, что вчера я видел, как вы гуляли по кладбищу, миссис Бересфорд.

– Да, – подтвердила Таппенс. – Но сначала я заглянула в церковь. У вас есть пара интересных витражных окон.

– Да, да. Они относятся к четырнадцатому веку. То есть то, которое расположено в северном приделе. Но большинство из них относится к Викторианской эпохе¹⁶.

– Когда я гуляла по кладбищу, – заметила Таппенс, – то мне показалось, что на нем похоронено очень много Паркинсонов.

– Вы совершенно правы. Здесь, в этой части Англии, всегда проживало много Паркинсонов, хотя сам я их не помню. А вот вы помните, не так ли, миссис Луптон?

Было видно, что миссис Луптон, пожилая женщина на костылях, польщена.

– Да, да, – подтвердила она, – я помню, когда еще жива была миссис Паркинсон – я имею в виду старую миссис Паркинсон. Ту самую миссис Паркинсон, которая жила в Мэнор-хаус. Она была очаровательная старая леди. Совершенно очаровательная.

– И, кроме того, я заметила, что здесь жили и Сомерсы, и Чаттертоны.

---

¹⁶ Викторианская эпоха – период правления королевы Виктории (1837–1901); считается временем наивысшего расцвета Великобритании.

– Вижу, что вы хорошо познакомились с прошлым нашего местечка.

– Мне кажется, что я также слышала что-то о Джорданах – то ли об Энни, то ли о Мэри...

Таппенс вопросительно посмотрела на окружающих. Однако имя Джордан не вызвало никакого интереса.

– Мне кажется, миссис Бересфорд, у кого-то была повариха по фамилии Джордан. Кажется, Сюзан Джордан. Но проработала она месяцев шесть, не больше. Что-то там не сложилось.

– А давно это было?

– Да нет. Лет восемь-десять назад, мне кажется. Не больше.

– А сейчас здесь живет много Паркинсонов?

– Нет. Они все уехали много лет назад. Помню, что один из них женился на своей кузине и уехал жить в Кению.

– Скажите, – Таппенс обратилась к миссис Луптон, которая, как она знала, имела какое-то отношение к детской больнице, – а вам не нужны детские книги? Только имейте в виду – они все читанные. Мне они достались как бесплатная добавка к мебели, которую мы покупали у бывших хозяев нашего дома.

– Несомненно, это очень мило с вашей стороны, миссис Бересфорд. У нас, естественно, есть очень хорошие книги. Всякие специальные издания. Вполне современные. Смотришь на них и жалеешь тех детишек, которым приходится

читать старые издания...

– Вы так считаете? – спросила Таппенс. – А мне нравятся книги, которые у меня были в детстве. Некоторые из них мне подарила моя бабушка. Никогда не забуду, как впервые прочитала «Остров сокровищ», «Ферму на четырех ветрах» миссис Моулсворт и некоторые из книг Стэнли Уэймана...

Она еще раз вопросительно осмотрела всех присутствовавших, а потом ретировалась, взглянув на часы и воскликнув с удивлением: «Уже так поздно!»

II

Вернувшись домой, Таппенс поставила машину в гараж и, обойдя вокруг дома, подошла к главному входу. Дверь была открыта, и она вошла внутрь. Из задних комнат появился Альберт и с поклоном поприветствовал ее.

– Чаю, мадам? Вы, должно быть, здорово устали.

– Да вроде нет, – ответила Таппенс. – Но чаю я выпью. Меня сегодня уже угощали чаем. Отличный пирог, но булочки ужасные.

– Булочки готовить трудно. Почти так же трудно, как пончики, – Альберт вздохнул. – Какие пончики готовила Эми...

– Знаю. Никто не мог с ней сравниться, – ответила Таппенс.

Эми была женой Альберта, умершей несколько лет назад. По мнению миссис Бересфорд, она прекрасно готовила пи-

рог с патокой, но пончики ей никогда не удавались.

– Я думаю, что пончики – это очень сложно, – заметила Таппенс. – У самой меня они никогда не получались.

– Для этого нужен талант.

– А где мистер Бересфорд? Он вышел?

– Нет, он наверху. В *той* комнате. Ну, вы понимаете – в комнате для книг, или как вы ее там называете... Сам я никак не могу отвыкнуть и по-прежнему называю ее мезонином.

– А что он там делает? – слегка удивилась Таппенс.

– Все еще просматривает книги, мне кажется. Думаю, что он расставляет их по порядку. Как говорится, наводит лоск.

– Просто удивительно, – заметила Таппенс. – Он ведь здорово залился на нас из-за этих книг.

– Что ж, – заметил Альберт, – джентльмены всегда таковы, не правда ли? Вы же знаете, что им в основном нравятся толстые книги. Что-то такое научное, во что можно было бы погрузиться с головой.

– Пойду-ка вытащу его оттуда, – сказала Таппенс. – А где Ганнибал?

– Мне кажется, вместе с хозяином.

В этот момент Ганнибал проявил себя. Яростно залаяв, что, по его мнению, должна была сделать хорошая охранная собака, он быстренько сообразил, что речь идет о его любимой хозяйке, а не о ком-то, кто явился воровать ложки или нападать на его хозяев. Поэтому, извиваясь всем телом,

пес спустился по лестнице, высунув розовый язычок и виляя хвостиком.

– Ну, что? – спросила Таппенс. – Рад видеть свою мамочку?

Всем своим видом Ганнибал подтвердил, что рад видеть «свою мамочку». Он прыгнул на нее с такой силой, что чуть не сбил с ног.

– Тише, – сказала Таппенс. – Осторожнее. Ты же не хочешь меня убить, а?

Ганнибал постарался убедить ее, что больше всего на свете он хочет ее съесть, потому что очень любит ее.

– Где хозяин? Где твой папочка? Он что, наверху?

Ганнибал все понял. Взбежав на лестничную площадку, он остановился и подождал, пока Таппенс к нему не присоединится.

– Никогда бы не подумала, – сказала миссис Бересфорд, слегка задыхаясь, когда вошла в комнату и увидела Томми, стоявшего на стремянке и перекладывавшего книги. – Чем ты занимаешься? Я думала, что ты гуляешь с собакой.

– Мы с ним гуляли, – ответил Томми. – Дошли до кладбища.

– А зачем, ряди всего святого, ты потащил Ганнибала на кладбище? Уверена, что собак там не приветствуют.

– Он был на поводке, – попытался оправдаться Томми. – Да и потом, это не я потащил его на кладбище, а он – меня. Мне кажется, ему там понравилось.

– Дай бог, чтобы ты оказался не прав, – сказала Таппенс. – Ты же знаешь Ганнибала – он обожает все превращать в рутину. Если у него войдет в привычку каждый день ходить на кладбище, то у нас возникнут проблемы.

– Должен сказать, что вел он себя как настоящий интеллигент, – заметил Томми.

– Для тебя интеллигентный и своенравный – это одно и то же, – сказала Таппенс.

Ганнибал повернулся, подошел к хозяйке и потерял носом о ее бедро.

– Он хочет сказать тебе, – перевел Томми, – что он очень умная собака. Умнее нас с тобой, вместе взятых.

– Что ты хочешь этим сказать? – поинтересовалась Таппенс.

– Как ты съездила? – поменял тему Бересфорд.

– Наверное, неплохо, – ответила она. – Люди были очень милы и добры со мной, и я надеюсь, что скоро перестану путать их так, как путала сегодня. На первых порах это очень трудно, потому что, понимаешь, они выглядят как-то одинаково и одеты похоже, поэтому трудно сориентироваться, кто есть кто. Если только кто-то не чрезвычайно красив или не феноменально уродлив. А таких людей в стране не так уж и много, правда?

– Я хочу сказать тебе, – прервал ее Томми, – что мы с Ганнибалом вели себя очень умно.

– А мне показалось, что сначала речь шла только о Ган-

нибале...

Томми протянул руку и достал с полки книгу.

– «Похищенный», – произнес он. – Еще один Роберт Льюис Стивенсон. Здесь кто-то был явным его поклонником. «Черная стрела», «Похищенный», «Катриона» и еще два названия. Все подарены Александру Паркинсону любящей бабушкой, а одна из них – щедрой тетушкой.

– Ну и, – заинтересовалась Таппенс, – что из этого следует?

– Просто я нашел его могилу.

– Ты нашел *ЧТО*?

– То есть нашел Ганнибал. В углу, как раз напротив маленькой дверцы, которая ведет в церковь. Мне кажется, что это второй вход в ризницу или что-то в этом роде. Памятник сильно обшарпан и не очень ухожен, но, тем не менее, это он. Ему было четырнадцать, когда он умер. Александр Ричард Паркинсон. Ганнибал его как раз обнюхивал. Я оттащил его и смог прочесть надпись, хотя она и была здорово затерта.

– Четырнадцать, – повторила Таппенс. – Бедный мальчик...

– Да, – согласился Томми. – Очень печально и...

– Ты о чем-то думаешь, – заметила она. – Не могу понять, о чем...

– Вот о чем... Мне кажется, Таппенс, что я от тебя заразился. Это твоя худшая черта. Когда тебе что-то приходит в голову, ты не оставляешь это про себя. Тебе обязательно

надо заинтересовать этим еще кого-то.

– Не понимаю, о чем ты... – сказала Таппенс.

– Я задумался, нет ли здесь причинно-следственной связи...

– О чем ты, Томми?

– Я просто задумался об Александре Паркинсоне, который потратил массу времени – хотя, наверное, ему самому это было очень интересно, – чтобы оставить в книге закодированную надпись: *Мэри Джордан не умерла своей смертью*. Предположим, что это правда. Предположим, Мэри Джордан, кем бы она ни была, умерла смертью насильственной. Тогда не кажется ли тебе, что следующим должен был умереть сам Александр Паркинсон?

– Не хочешь ли ты сказать... Уж не думаешь ли ты...

– Я просто размышляю, – ответил Томми. – Меня заставил задуматься его возраст – четырнадцать лет. Нигде не было написано, отчего он скончался. Хотя на памятнике этого и не могло быть. Там был простой текст: *В тени крыл Твоих укрой меня...* Что-то в этом роде. Но ведь он мог умереть и потому, что его знания представляли для кого-то опасность. И именно поэтому он... умер.

– Ты хочешь сказать, что его убили? Мне кажется, что ты выдумываешь, – сказала Таппенс.

– Ты сама все это начала. Своими выдумками или размышлениями. В сущности, это ведь одно и то же, нет?

– Думаю, что мы должны продолжить наши размышле-

ния, – решила Таппенс. – Правда, выяснить что-нибудь будет невозможно, потому что все произошло много-много лет назад...

Они посмотрели друг на друга.

– С этого же началось наше расследование дела Джейн Финн¹⁷, – заметил Томми.

Они снова посмотрели друг на друга, но их мысли уже витали далеко в прошлом.

---

¹⁷ Дело Джейн Финн описывается в романе А. Кристи «Таинственный противник».

Глава 6

Проблемы

I

Переезд в новый дом обычно рассматривается переезжающими как некое приключение, которое доставит им массу удовольствия, но очень редко оказывается таковым. Приходится устанавливать или возобновлять контакты с электриками, строителями, плотниками, малярами, клейщиками обоев; поставщиками холодильников, газовых плит и домашних приборов; теми, кто шьет и развешивает занавеси и делает чехлы; с теми, кто кладет линолеум, и с теми, кто поставяет ковры. Каждый день происходят не только заранее запланированные события, но и появляется десять-двенадцать посетителей из тех, кого уже давно ждут, или тех, о ком уже давно успели забыть.

Однако все чаще случались моменты, когда Таппенс с облегчением в голосе объявляла о завершении работ на том или ином направлении.

– Кажется, наша кухня почти безукоризненна, – сказала она, – вот только никак не могу найти подходящую емкость для муки.

– А что, это так важно? – поинтересовался Томми.

– И даже очень. Я хочу сказать, что мука очень часто продается в трехфунтовых мешках, и поместить ее в контейнеры, подобные вот этим, просто невозможно – они все слишком хрупкие и изысканные. Как видишь, на одном из них изображена роза, на другом – подсолнух, и вмещают они не больше фунта. Так глупо...

Иногда у Таппенс мысли прыгали с одной на другую.

– «Лавры», – сказала она однажды. – Мне кажется, это глупое название для дома. Не понимаю, почему он называется «Лавры». Вокруг ведь нет никаких лавров. Лучше бы его назвали «Платаны». Я люблю платаны.

– Мне говорили, что до «Лавров» дом назывался «Длинный Скофилд», – заметил Томми.

– Кто такой Скофилд и кто жил в доме в то время?

– Кажется, Уоддингтоны.

– Все это так путает, – пожаловалась Таппенс. – Уоддингтоны, а потом Джонсы – те, кто продал дом нам. А перед тем – Блэкморы? А когда-то, как я понимаю, Паркинсоны... Целый выводок Паркинсонов. Мне все время попадаются все новые и новые Паркинсоны.

– В каком смысле?

– В том смысле, что я о них все время спрашиваю, – ответила Таппенс. – Ведь если мы что-то узнаем о Паркинсонах, это поможет нам с решением нашей... нашей проблемы.

– Так сейчас называют все на свете. *Проблемы Мэри*

Джордан, правильно?

– И не только это. Помимо *проблемы Мэри Джордан*, существует *проблема Паркинсонов* и масса, как я полагаю, других *проблем*. *Мэри Джордан не умерла своей смертью*, – а потом в послании шло «*это должен быть один из нас*». Имелся в виду один из Паркинсонов или же один из тех, кто жил в этом доме? Скажем, здесь жили два-три Паркинсона, и еще несколько пожилых Паркинсонов, и еще люди не с этой фамилией, но племянники и племянницы Паркинсонов, а кроме этого, горничная, служанка, повариха и, возможно, гувернантка вместе с девушкой *au pair*¹⁸ – хотя *au pair* тогда еще не было, – то есть «один из нас» может относиться ко всем чадам и домочадцам. Тогда домочадцев в домах было гораздо больше, чем сейчас. Так что Мэри Джордан вполне могла быть горничной, или служанкой, или даже поварихой. И кому нужна была ее смерть, да еще и насильственная? То есть, по-видимому, кто-то желал ее смерти, иначе б она умерла своей смертью – правильно? После завтра у меня еще одно «кофейное утро»¹⁹, – все это Таппенс

---

¹⁸ *Au pair* (фр. обоюдный) – термин, применяемый для обозначения молодых людей, живущих в чужой стране или чужом регионе в принявшей их семье и делающих определенную работу (чаще всего присматривающих за детьми). В качестве компенсации они получают питание, помещение (комнату) для проживания и карманные деньги на расходы, а также возможность выучить язык данной страны.

¹⁹ Социальное мероприятие, во время которого домохозяйки обсуждают последние сплетни и вопросы благотворительности.

произнесла почти не останавливаясь.

– Ты, кажется, становишься завсегдаем подобных мероприятий.

– Знаешь, это прекрасный способ узнать соседей и тех, кто живет в твоей деревне. Ведь наша деревня не так уж и велика. И люди постоянно вспоминают своих старых тетюшек или тех, кого они когда-то знали... Начну-ка я, пожалуй, с миссис Гриффин, которая имеет здесь статус легендарной личности. Могу сказать, что она управляла здесь всем железной рукой. Третировала и викария, и местного доктора, и районную фельдшерицу, да и всех остальных.

– А эта районная фельдшерица ничем не сможет помочь?

– Маловероятно. Она уже умерла. То есть я хочу сказать, что умерла та, что работала здесь во времена Паркинсонов, а та, которая работает здесь сейчас, совсем еще новичок. И это место ее вовсе не интересует. Думаю, что она и Паркинсона-то в своей жизни вряд ли встречала.

– Хотелось бы... – в голосе Томми слышалось отчаяние, – как бы мне хотелось позабыть *обо всех* этих Паркинсонах.

– Ты что, думаешь, тогда проблемы исчезнут сами собой?

– Боже мой! – воскликнул Томми. – Опять эти проблемы!

– Это все Беатрис.

– Что Беатрис?

– Все проблемы от нее. Или нет – от Элизабет. От уборщицы, которая была у нас до Беатрис. Она вечно приходила ко мне со словами: «Мадам, вы не уделите мне минутку? По-

нимаєте, у меня возникла проблема...» А когда по четвергам стала приходиться Беатрис, то она заразилась от нее – так мне кажется. Поэтому у нее тоже проблемы. Это просто способ начать разговор – его всегда начинают с какой-то проблемы.

– Ну, хорошо, – сказал Томми. – Давай согласимся с этим – и закончим. У тебя есть проблема – у меня есть проблема – у всех нас есть проблемы.

Он вздохнул и вышел.

Таппенс, покачивая головой, медленно спустилась по лестнице. Ганнибал, с надеждой помахивая хвостиком, подбежал к ней. Он явно надеялся на лучшее.

– Нет, Ганнибал, – разочаровала его Таппенс. – Ты уже гулял. Тебя выводили утром.

Пес намекнул, что она ошибается и никакой прогулки не было.

– Ты самый большой лгунишка среди всех собак, которых я когда-либо знала, – заметила Таппенс. – Ты уже гулял с папочкой.

Ганнибал повторил попытку, на сей раз намекая на то, что вторая прогулка полностью зависит от отношения к собаке ее хозяина.

Потерпев неудачу, он спустился на первый этаж, громко залаял и стал притворяться, что сейчас укусит девушку со спутанными волосами, которая возилась с пылесосом. Он вообще не любил пылесосов и возражал против продолжительной беседы Таппенс с Беатрис.

– Только скажите, чтобы он не кусался, – попросила Беатрис.

– Он тебя не укусит, – ответила Таппенс. – Это он только притворяется.

– А мне кажется, что в один прекрасный день он это делает, – сказала Беатрис. – Кстати, мадам, не найдется ли у вас для меня минутки?

– Ах, вот как, – произнесла Таппенс. – Ты хочешь сказать...

– Понимаете, мадам, у меня тут возникла проблема...

– Я так и думала, – сказала Таппенс. – И что же это за проблема? Кстати, ты никогда не слышала о семье – или о ком-то – по фамилии Джордан, живших или в этом доме, или где-то по соседству?

– Вы сказали Джордан?.. Не могу припомнить. Вот Джонсоны здесь жили, а еще – ну точно, фамилия одного из констеблей была Джонсон. И одного из почтальонов. Джордж Джонсон его звали. Он был моим дружкой. – Девушка хихикнула.

– А ты никогда не слышала о Мэри Джордан, которая умерла?

Беатрис выглядела сбитой с толку. Она покачала головой и вернулась к своей проблеме.

– Так вот эта проблема, мадам...

– Ах, да. Твоя проблема.

– Вы не будете против, мадам, если я задам вам вопрос?

А то я оказалась в странной ситуации, а я, понимаете ли, не люблю...

– Только не тяни резину, – попросила Таппенс. – А то мне пора на встречу.

– Ах, ну конечно. У миссис Барбер, правильно?

– Правильно, – согласилась Таппенс. – Так что за проблема?

– Пальто, знаете ли. И очень миленькое. Оно висело в «Симмондз», и я его примерила, и оно здорово подошло мне. Там было крохотное пятнышко на подоле, прямо рядом с кантом, но для меня это совершенно неважно. В любом случае, это объяснило...

– Объяснило что именно? – поторопила ее Таппенс.

– Объяснило мне, почему пальто было таким дешевым. И я его купила. Все было в порядке. Но, когда я пришла домой, то обнаружила на нем еще один ценник. И вместо трех семидесяти, на нем стояло шесть фунтов. Понимаете, мэм, я никогда еще не попадала в такую ситуацию и не знала, как поступить. Поэтому я вернулась в магазин, захватив с собой пальто... Я подумала, что лучше взять его с собой и объяснить все продавщице. Понимаете, я не хотела заполучить его таким образом, и еще, понимаете, девушка, которая мне его продала, была такая любезная – очень приятная девушка по имени Глэдис – я не знаю ее фамилии, – но она так сильно расстроилась, и я сказала: «Все в порядке, я доплачу сколько надо». А она сказала: «Нет, так нельзя, потому что покупка

уже занесена в книгу». Понимаете... вы же понимаете, о чем я?

– Кажется, понимаю, – ответила Таппенс.

– Она сказала: «Так делать нельзя. У меня будут проблемы».

– А она объяснила тебе, почему они у нее будут?

– Понимаете, мне так показалось... То есть я хочу сказать, ну, она продала его мне дешевле, чем было надо, и вот, понимаете, я его принесла назад и никак не могла понять, почему у *нее* должны быть проблемы. И она объяснила, что за подобную небрежность, то есть за то, что она не заметила правильного ценника и взяла с меня не ту цену, ее вполне могут уволить.

– Не думаю, что такое может случиться, – засомневалась Таппенс. – И мне кажется, что ты поступила абсолютно правильно. Больше ты ничего не могла сделать.

– Но все-таки, понимаете... Она подняла такой шум, чуть не расплакалась и все такое, что я забрала пальто, а теперь вот мучаюсь – обманула я магазин или нет? И я опять не знаю, что мне делать.

– Ну что же, – ответила ей Таппенс. – Думаю, я слишком стара, чтобы знать, что с этим делать в нынешнее время, потому что в магазинах сейчас все изменилось. Цены перемешались, и все стало так непросто... Но на твоем месте, если б я хотела доплатить, то отдала бы деньги этой самой Глэдис Как-ее-там. Она сможет внести деньги в кассу, или что там

еще нужно.

– Знаете, мне это не очень нравится, ведь она может взять деньги себе, понимаете? То есть я хочу сказать, что если она оставит их, то получится – а ведь это совсем просто, – что это я вроде как украла деньги, и в то же время вроде как не украла их... Ведь тогда их украдет уже Глэдис, правильно? И вот я не знаю, могу ли настолько довериться ей... Боже мой!

– Да, – произнесла Таппенс. – Жизнь – это сложная штука, правда? Очень жаль, Беатрис, но мне кажется, что здесь ты сама должна принять решение. Если ты веришь своей подруге...

– Да никакая она мне не подруга. Просто я иногда покупаю там вещи. И с ней интересно болтать. Но я хочу сказать, что она мне вовсе не подруга, вы меня понимаете? Мне кажется, что на предыдущей работе у нее уже были какие-то проблемы. Вроде как она не вернула деньги за проданную вещь...

– А в этом случае, – сказала слегка одуревшая Таппенс, – я бы не стала делать вообще ничего.

Она произнесла это таким твердым голосом, что Ганнибал решил, что ему пора вмешаться в беседу. Он громко залаял на Беатрис и обежал вокруг пылесоса, который считал своим самым главным врагом. «Я не доверяю этому пылесосу, – звучало в его лае. – И хочу его укусить».

– Успокойся Ганнибал. И прекрати этот лай. И не смей никого и ничего кусать, – сказала Таппенс. – Я уже здорово

опаздываю.

С этими словами она выбежала из дома.

II

Проблемы, повторила про себя Таппенс, спускаясь с холма по Садовой улице. Идя по ней, она, как и всегда, размышляла, был ли когда-нибудь хотя бы у одного дома на этой улице фруктовый сад? Сейчас это казалось маловероятным.

Миссис Барбер была рада ее приходу. Она поставила перед Таппенс тарелку с эклерами очень заманчивого вида.

– Какая прелесть, – прошебетала Таппенс. – Вы покупаете их у Баттерби?

Баттерби был местным кондитером.

– Нет, их готовит моя тетушка. Она – просто прелесть. И готовит прелестные вещи.

– Готовить эклеры – это большое искусство, – заметила Таппенс. – Мне это никогда не удавалось.

– Все дело в том, что здесь необходима специальная мука. Мне кажется, что весь секрет именно в этом.

Дамы пили кофе и обсуждали некоторые особенности приготовления домашних сладостей.

– Вчера о вас говорила мисс Болланд, миссис Бересфорд.

– Неужели? – удивилась Таппенс. – Сама мисс Болланд?

– Она живет рядом с церковью. Ее семья обитает там с незапамятных времен. Она рассказывала, как ребенком при-

езжала сюда погостить. И как всегда ждала этого. Говорила, что в те времена в саду рос великолепный крыжовник. И слива-венгерка. Сейчас ее практически не сыщешь. Только не настоящую венгерку. Можно найти нечто называющееся венгерским черносливом, но вкус совершенно другой.

И дамы обсудили некоторые фрукты, вкус которых был нынче совсем не таким, как раньше, в детстве.

– У моего двоюродного дедушки когда-то росла слива-венгерка, – заметила Таппенс.

– Ах, да... Это не у того, который был каноником в Анчестере? Помню, что там жил, по-моему, каноник Хендерсон с сестрой. Грустная история, доложу я вам. В один прекрасный день сестра ела пирог с ягодами, и одна из косточек попала не туда, знаете ли. Что-то в этом роде. Она все пыталась откашляться, но так и умерла от удушья. Боже, как печально, правда? – сказала миссис Барбер. – Просто очень печально. Одна из моих кузин тоже умерла от удушья. Поперхнулась куском баранины. В этом нет ничего сложного; а есть еще люди, которые умирают от икоты, потому что не могут остановиться. Они просто не знают старого наговора: «Икота, икота, уйди на болото; три раза икнешь, из чашки отхлебнешь, откроешь ворота – прости-прощай, икота...» И когда говоришь это, то надо обязательно задержать дыхание.

Глава 7

Новые проблемы

– Вы не уделите мне минутку, мадам?

– О боже, – вздохнула Таппенс. – Еще какие-то проблемы?

Она спускалась по лестнице из библиотеки, стряхивая с себя пыль, потому что была одета в свою лучшую блузку и юбку, которые собиралась дополнить шляпкой с пером. В таком виде миссис Бересфорд направлялась на чай, на который ее пригласила новая подруга, представленная ей на благотворительном базаре «Белый слон», – и чувствовала, что не в состоянии больше выслушивать проблемы Беатрис.

– Нет, это не совсем проблема, но мне казалось, что вам это будет интересно...

– Ах, вот как, – сказала Таппенс, не в состоянии избавиться от ощущения, что речь идет еще об одной, но на этот раз замаскированной, проблеме. Она осторожно преодолела последние ступеньки. – Я сильно тороплюсь, потому что приглашена на чай.

– Понимаете, это касается того, о чем вы меня сами спрашивали. Вы же спрашивали о Мэри Джордан, правильно? Хотя, может быть, все думали, что речь идет о Мэри Джонсон... Знаете, довольно давно на почте работала Белинда Джонсон.

– Знаю, – ответила Таппенс. – А еще был полицейский по

имени Джонсон, как мне кто-то рассказывал.

– Правильно, хотя сейчас не об этом. Эта моя подруга – ее зовут Гвенда – да вы знаете магазин в котором она работает: с одной стороны почта, с другой – магазин со всякими конвертами и неприличными картинками и кое-каким фарфором перед Рождеством; так вот, понимаете...

– Я знаю, – ответила Таппенс. – Кажется, его называют магазином миссис Гаррисон или что-то в этом роде.

– Правильно, но сейчас он уже не принадлежит Гаррисонам. У владельца совсем другое имя. В любом случае, эта моя подруга – Гвенда – она решила, что вам может быть интересно, потому что она слышала о Мэри Джордан, которая жила здесь давным-давно. Очень давно. Жила здесь, именно в этом доме, я хочу сказать.

– Жила в «Лаврах»?

– Нет. В те времена у дома было другое название. Так вот, она говорит, что кое-что о ней слышала. И поэтому подумала, что вам это может быть интересно. Там, знаете, была какая-то грустная история. То ли несчастный случай, то ли что... В общем, она умерла.

– Ты хочешь сказать, что она умерла, когда жила в этом доме? Она что, была членом семьи?

– Нет. Кажется, семья именовалась Паркеры или что-то в этом роде. Здесь тогда жила масса Паркеров... Или Паркинсонов – не помню точно. Мне кажется, что она просто здесь жила. Думаю, что миссис Гриффин знает об этом побольше

моего. А вы знаете миссис Гриффин?

– Совсем немного, – ответила Таппенс. – По правде говоря, именно к ней я и иду сегодня на чай. Я разговорилась с ней позавчера на благотворительном базаре. До этого я с ней не встречалась.

– Она очень старая. А выглядит моложе, чем на самом деле. И у нее очень хорошая память. Мне кажется, что один из мальчиков Паркинсонов был ее крестным.

– А как его звали?

– Кажется, Алек... Что-то в этом роде. То ли Алек, то ли Алекс.

– И что с ним случилось? Он что, вырос и уехал отсюда? Стал солдатом, или моряком, или кем-то в этом роде?

– Совсем нет. Он умер. Ну да, его даже здесь похоронили. Это была такая штука, о которой людям мало известно. Название напоминает человеческое имя.

– Ты имеешь в виду какая-то болезнь?

– То ли Ходжкина, то ли еще что-то... Хотя нет, это точно было какое-то христианское имя. Точно не знаю, но говорили, что при ней кровь меняет свой цвет на неправильный – что-то вроде этого. Нынче-то они берут эту плохую кровь и вливают тебе новую, хорошую. Хотя все равно от этого рано или поздно умирают. У миссис Баттерби – кондитерши, вы ее знаете – от этого умерла маленькая девочка. Ей было всего семь. Говорят, она забирает совсем молодых.

– Лейкемия?

– Вот это да, и вы уже слышали! Точно, именно так ее и называли. Сейчас, правда, говорят, знаете ли, что скоро откроют лекарство. Так же, как нынче вам делают прививки и всякое такое, чтобы не было тифа, или как там это называется.

– Очень интересно, – сказала Таппенс. – Бедный мальчик...

– Ну, он-то как раз не был таким уж маленьким. – Служанка помолчала, затем продолжила: – Ему было лет тринадцать-четырнадцать.

– Все это очень грустно... – задумчиво отреагировала миссис Бересфорд. – Боже, я опять опаздываю! Мне надо поторапливаться.

– Уверена, что миссис Гриффин сможет вам кое-что рассказать. То есть не те вещи, которые про нее саму, но она выросла здесь и, еще будучи ребенком, очень много слышала. Так что рассказывает о тех семьях, которые жили здесь раньше. Некоторые из них – это просто ходячие скандалы. Знаете, все эти распутства и все такое прочее... И все это они называют эпохой то ли Эдварда, то ли Виктории... Не помню точно. Мне так кажется, что Виктории, потому что старая королева была еще жива. А значит, точно Виктории. Хотя они все-таки называют ее эпохой Эдварда, а еще говорят про хозяйство Мальборо²⁰. Это они что, про «высшее об-

---

²⁰ Герцоги Мальборо являются одними из самых титулованных представителей высшего света Великобритании. Некоторые представители этой семьи известны

щество», так?

– Да, – ответила Таппенс. – Именно про высшее общество.

– И про распутство, – добавила Беатрис с энтузиазмом.

– И про распутство тоже, – согласилась Таппенс.

– Тогда молодые девушки делали все эти неподобающие вещи, – Беатрис не хотелось расставаться с хозяйкой в самый интересный, по ее мнению, момент беседы.

– Нет, – ответила Таппенс. – Я-то как раз считаю, что девушки вели очень правильную и скромную жизнь и рано выходили замуж – часто для того, чтобы попасть в высшее общество.

– О боже, – воскликнула Беатриса. – Как это, должно быть, здорово – все эти красивые одежды, встречи на скачках, танцы и бальные залы...

– Именно что бальные залы, – сказала Таппенс.

– У меня однажды была знакомая; так вот, ее бабушка была горничной в одном из этих шикарных домов, вы меня понимаете. Так вот, туда однажды приехал принц Уэльский – тогда он еще был принцем Уэльским, вы понимаете, это потом уже он стал Эдвардом Седьмым... Так вот, он еще был принцем и приехал в тот дом – и, знаете, она говорила, что он был очень мил. Очень мил и со слугами, и со всеми остальными. Когда она уволилась, то захватила с собой кусочек мыла, которым он мыл руки, – она его буквально из рук не выпускала. Однажды даже показала его нам, детям.

– Как вам повезло, – заметила Таппенс. – Вы, должно быть, были очень взволнованы. А может быть, он остановился здесь, у нас в «Лаврах»?

– Нет. Не думаю, чтобы об этом кто-то говорил, – я бы наверняка услышала. Нет, здесь были только Паркинсоны. Не графини, не маркизы, не лорды и не леди. По-моему, Паркинсоны были торговцами. Очень богатыми, знаете ли, и все такое, но в торговле нет ничего возбуждающего, ведь правда?

– Это как посмотреть, – ответила Таппенс и добавила: – Мне кажется, уже...

– Да вам уже пора идти, мэм.

– Да. Что ж, спасибо тебе большое. Думаю, что мне лучше надеть шляпу. Волосы у меня в ужасном беспорядке.

– Вы, знаете ли, где-то прислонились головой к паутине. В следующий раз я смахну ее с вас.

Таппенс сбежала по ступенькам.

– Здесь же бегал Александр, – сказала она самой себе. – И, наверное, не один раз. И он знал, что это был *один из них*. Интересно. И с каждым мгновением становится все интереснее...

Глава 8

Беседа с миссис Гриффин

– Я так рада, что вы с мужем переехали сюда жить, миссис Бересфорд, – сказала миссис Гриффин, разливая чай. – Молоко? Сахар?

Она придвинула к Таппенс тарелку с сэндвичами, и та отдала им должное.

– Вы знаете, в деревне очень большое значение имеют соседи – чтобы они были приятными людьми, с которыми у вас есть что-то общее... Вы бывали в наших краях прежде?

– Нет, – ответила Таппенс. – Никогда. Знаете, мы смотрели множество домов – их описания нам присылали агенты по недвижимости. Естественно, что большинство из этих описаний очень часто нас просто пугало. Один из них, например, был изображен как «полный очарования прошлых веков»...

– Знаю, – согласилась миссис Гриффин. – Все знаю. «Очарование прошлого» обычно означает, что дому нужна новая крыша и стоит он в очень влажном месте. А вот что такое «тщательно модернизирован», известно, я думаю, всем – масса всякой современной ерунды, которая никому не нужна, и отвратительный вид из окон действительно уродливого дома. Однако «Лавры» просто очаровательны. Хотя, я полагаю, вам пришлось повозиться с домом... Но такова судьба

всех новых хозяев.

– Мне показалось, что в доме жила масса разных людей, – заметила Таппенс.

– Вы правы. В наши дни никто долго не сидит на одном месте, не так ли? В нем жили Катбертсоны, Редленды, а до них – Сеймуры. А после них – Джонсы.

– Нам не совсем понятно, почему дом называли «Лавры».

– Знаете, в свое время это было довольно популярное название для домов. А если обратиться к совсем давним временам, к временам Паркинсонов, то там действительно *были* лавры. Наверное, они росли вдоль подъездной аллеи, и среди них водились даже серебристые. Мне самой серебристые лавры никогда не нравились.

– Мне тоже, – согласилась Таппенс. – Здесь я с вами полностью согласна. Создается впечатление, что в этом доме проживало множество Паркинсонов, – добавила она.

– О да. Мне кажется, что они жили в этом доме дольше всех остальных.

– Никто ничего не может мне о них рассказать.

– Понимаете, милочка, все это было очень давно. А после... после, как бы это сказать... после произошедшего у них остался сильный осадок, и неудивительно, что они решили продать дом.

– У него что, плохая репутация? – рискнула Таппенс. – Вы хотите сказать, что дом нечист или как?

– Нет, нет, речь не о доме. Дело, как вы понимаете, в лю-

дах. Конечно, в нем произошло нечто... нечто позорное – это случилось во время первой войны²¹. В это тогда никто не мог поверить. Моя бабушка много об этом рассказывала – она говорила, что это было как-то связано с морскими секретами, что-то касающееся новой подводной лодки. У Паркинсонов жила девушка, которая, как говорили, была во всем этом замешана.

– Не Мэри Джордан, случайно? – спросила Таппенс.

– Да. Да, вы абсолютно правы. Потом говорили, что это не было ее настоящее имя. Мне кажется, что ее какое-то время подозревали. Подозревал мальчик – его звали Александр. Очень милый мальчик. И большой умница.

---

²¹ Имеется в виду Первая мировая война.

Книга вторая

Глава 1

Давным-давно

Таппенс выбирала поздравительные открытки. На улице стояла дождливая погода, и на почте почти никого не было. Люди на ходу опускали письма в ящик, висевший перед входом, и только изредка заскакивали, чтобы купить марки. Все они торопились домой. День был совсем не торговый, и Таппенс считала, что время она выбрала просто идеальное.

Гвенда, которую миссис Бересфорд легко узнала благодаря описанию Беатрис, была рада помочь ей в выборе. Девушка отвечала за хозяйственную часть магазина, расположенного в помещении почты, тогда как пожилая женщина с седыми волосами представляла государственные интересы почты Ее Величества. Гвенда была болтушкой, которую интересовали все новички, приезжавшие в деревню. Она прекрасно чувствовала себя среди рождественских и поздравительных открыток, валентинок, юмористических картинок, нотной и писчей бумаги, а также всяких шоколадок и различного фарфора, предназначенного для домашнего использования. Они с Таппенс уже успели подружиться.

– Я так рада, что в доме снова появились жильцы. Я имею в виду «Коттедж принца».

– А я думала, что он всегда назывался «Лавры»...

– Совсем нет. Мне кажется, что так его никогда раньше не называли. Здесь дома часто переименовывают. Знаете, людям нравится давать домам новые имена.

– Вы, по-видимому, правы, – задумчиво произнесла Таппенс. – Даже мы уже успели придумать парочку новых имен. Кстати, Беатрис говорила мне, что вы знали кого-то по имени Мэри Джордан, которая жила в нашем доме.

– Сама я ее не знала, но слышала о ней. Это было во время войны, но не последней. Во время той, давнишней, когда еще использовали цеппелины²².

– Помню, я о них что-то слышала, – сказала Таппенс.

– В пятнадцатом-шестнадцатом году они висели над Лондоном.

– Я помню, как мы с моей старой тетушкой находились в одном из армейских магазинов, когда объявили воздушную тревогу.

– Они ведь прилетали обычно ночью, не так ли? По мне, так это, наверное, было довольно страшно.

– Я так не думаю, – ответила Таппенс. – Хотя люди обычно здорово волновались. Но это было не так страшно, как

---

²² Дирижабли времен Первой мировой войны, состоявшие на вооружении германского флота и армии. Всего за период 1899–1937 гг. было построено 119 цеппелинов.

бомбардировщики во время последней войны. У меня всегда было ощущение, как будто они следят за мной. Словно крадутся за тобой по улице или что-то вроде этого.

– Вы, наверное, все время проводили в бомбоубежище? У меня есть подружка в Лондоне, так она все ночи проводила в метро. Станция, по-моему, называлась «Уоррен-стрит». Ведь у каждого была своя определенная станция.

– Меня в то время не было в Лондоне, – пояснила Таппенс. – Но не думаю, что мне понравилось бы проводить все ночи в метро.

– Знаете, эта моя подружка – ее зовут Дженни – она просто обожала метро. Говорила, что это было просто здорово. Знаете, там за каждым было закреплено его постоянное место. И оно всегда ждало вас – там вы спали, туда приносили свои сэндвичи и другие вещи, и там же все вместе развлекались и разговаривали. И жизнь там не замирала ни на минуту. Просто здорово! И поезда ходили до самого утра. Она даже говорила, что, когда война закончилась и ей пришлось вернуться домой, все вокруг казалось ей невероятно скучным, вы меня понимаете?

– В любом случае, – Таппенс постаралась вернуться к теме разговора, – в то время, в четырнадцатом году, бомбардировщиков не было, а были только цеппелины.

Но цеппелины Гвенду явно не интересовали.

– Я спрашивала о девушке, которую звали Мэри Джордан, – напомнила ей Таппенс. – Беатрис говорила, что вы о

ней что-то знаете.

– Не совсем так. Я слышала, как ее имя упоминалось пару раз, но это было очень давно. Она была немкой – одна из этих *фройлен*²³, как их тогда называли. Присматривала за детьми – вроде как няня. Жила где-то в Шотландии с семьей моряка – так, кажется. А потом переехала сюда. В семью... то ли Перксы, то ли Перкинсы... Каждую неделю у нее был один выходной день, и она ехала в этот день в Лондон и отвозила туда вещи.

– Что за вещи? – заинтересовалась Таппенс.

– Не знаю, об этом никто не говорил. Ворованные, скорее всего.

– А ее что, поймали на воровстве?

– Нет. Не думаю. Ее начали было подозревать, но она заболела и умерла.

– А отчего она умерла? Она умерла прямо здесь или в больнице?

– Нет. Я не думаю, что в те времена здесь имелись больницы. Ведь тогда не было никакой программы медицинского обслуживания. Кто-то говорил, что все произошло из-за глупейшей ошибки поварихи. Она случайно принесла в дом листья наперстянки – перепутала их то ли со шпинатом, то ли с салатом... Хотя нет, кто-то говорил, что это был паслен. Все равно я в это *ни на секунду* не поверила. Понимаете, все слишком хорошо знают про этот смертельный паслен, да? И

---

²³ Фройляйн – вежливое обращение к девушке в Германии.

ведь там ягоды, а не листья. Так вот, как я понимаю, листья наперстянки принесли по ошибке. А наперстянка – это ведь дигоксо... или что-то похожее на дигит... В общем, в ней есть что-то очень опасное. Доктор приехал и сделал все, что смог, но, мне кажется, было уже слишком поздно.

– А в доме было много людей, когда это произошло?

– Ну да, мне кажется, вполне достаточно. Там ведь всегда жили какие-то люди, как мне говорили, – и дети, и гувернантка, и няня, и всякие приезжавшие на уик-энд. А кроме того, все эти вечеринки... Только имейте в виду – все это рассказала мне моя бабушка. Да еще время от времени откровенничает мистер Бодликотт. Знаете этого старого садовника, который работает здесь время от времени? Он всегда был здесь садовником, и сначала именно его обвинили в том, что он сорвал не те листья, но *он* этого совсем не делал. Это был кто-то, кто вышел из дома и, намереваясь помочь, нарвал листьев в огороде и отнес их кухарке. Знаете, всякий там шпинат, салат и все такое прочее и... мне кажется, что этот человек просто ошибся, так как не слишком хорошо разобрался в этом деле. Кажется, во время предварительного расследования, или как там это называется, сказали, что такую ошибку мог совершить кто угодно, потому что шпинат и щавель росли совсем рядом с этой диги... тали-как-ее-там... Так что человек просто нарвал две горсти листьев и соединил их все вместе. В любом случае, все это было очень печально, потому как бабушка говорила, что Мэри была очень

хорошенькая, с золотистыми волосами и все такое, вы меня понимаете?

– И она каждую неделю ездила в Лондон? Конечно, для этого ей был необходим выходной.

– Ну да. Она еще говорила, что у нее друзья в Лондоне. Иностранка – и бабушка говорила, как слышала, что кто-то назвал ее немецкой шпионкой.

– И она действительно была немецкой шпионкой?

– Не думаю. Хотя джентльменам она очевидно нравилась. Знаете, морским офицерам и этим, из военного лагеря в Шелтоне. У нее там была даже парочка друзей. В этом военном лагере.

– Так, значит, она *была* шпионкой.

– Не думаю. Бабушка говорила, что так *говорили* люди. И это не было во время последней войны. Все это было давным-давно.

– Удивительно, – заметила Таппенс, – как легко люди путаются с этими войнами. Я знавала одного старика, друг которого принимал участие в битве при Ватерлоо.

– Подумать только. Задолго до девятьсот четырнадцатого года... В те времена было модно иметь иностранных нянь. Люди называли их или *мадмазель*, или *фройлен*, что бы это ни значило. А она умела обращаться с детьми, как говорила мне бабушка. Все были ею довольны и очень ее любили.

– И это все было тогда, когда она жила здесь, в «Лаврах»?

– Тогда дом так не называли – по крайней мере я так ду-

маю. Она жила то ли у Паркинсонов, то ли у Перкинсов – что-то в этом роде, – ответила Гвенда. – В наше время таких называют *au pair*. Она приехала из города, в котором делают такие пироги – продаются у нас в «Фортнуме и Мейсоне», может, слышали, – дорогие пироги для всяких приемов... Кто-то говорил, что город наполовину немецкий, наполовину французский.

– Страсбург? – предположила Таппенс.

– Именно так²⁴. Она еще рисовала портреты. И сделала портрет моей старой двоюродной тетушки. Та выглядела на нем совсем старой – так всегда говорила тетя Фанни. А еще она написала портрет одного из мальчиков Паркинсонов. Он все еще у старой миссис Гриффин. Мальчик Паркинсонов что-то узнал про Мэри – по-моему, тот, чей портрет она нарисовала. Мне кажется, что он был крестным миссис Гриффин.

– Вы имеете в виду Александра Паркинсона?

– Именно его. Того, кого похоронили рядом с церковью.

---

²⁴ Имеется в виду «страсбургский пирог» – паштет из гусяной печени с различными добавками.

Глава 2

Знакомство с Матильдой, Любимой и Кэй-Кэй

На следующее утро Таппенс отправилась на поиски хорошо известной в округе личности, которую все знали под именем старого Исаака, или, если кто-то помнил его официальное имя, мистера Бодликотта. Исаак Бодликотт был одной из местных достопримечательностей. Прежде всего из-за его возраста – он говорил, что ему девяносто (правда, мало кто ему верил), – и из-за его способности чинить всякие вещи. Если вы не могли дозвониться до водопроводчика, то шли к старине Исааку. Мистер Бодликотт – хотя никто не знал, есть ли у него соответствующая квалификация на проведение ремонта, – за долгие годы усвоил все о возможных поломках канализации, нагревателей воды, кранов и вдобавок различных электрических приборов. Его цены приятно отличались от цен, которые выставял квалифицированный сантехник, а результаты работы удивляли своей эффективностью. Он был плотником, мог врезать замок, вешал картины – хотя иногда это получалось у него довольно криво – и разбирался в реликтовых пружинах старых кресел. Основным недостатком мистера Бодликотта была его неискоренимая привычка постоянно рассказывать что-то во время рабо-

ты; отрицательный эффект от его болтовни усугублялся плохо подогнанными вставными челюстями. Его знания о тех, кто населял окрестности в прошлом, казались поистине бездонными. Правда, было не совсем понятно, насколько можно этим воспоминаниям доверять. Мистер Боддикотт был не тем человеком, который был готов ограничивать себя при рассказе какой-нибудь любопытной истории из прошлого. И полеты его фантазии, которые он обычно называл «потоком воспоминаний», выглядели, как правило, следующим образом:

– Вы не поверите, точно не поверите, если я расскажу вам действительно все, что знаю об этом дельце. Это точно. Понимаете, все считают, что все о нем знают, но они ошибаются. Точно ошибаются. Знаете, это все старшая сестра. Уж поверьте мне. Казалась такой приятной девочкой. А на улики как раз напала собака мясника. Она проследила ее до дома. Да. Только это был не ее собственный дом, как вы могли подумать. Ладно, могу сказать *еще* больше. Там еще была старая миссис Аткинс. Никто не знал, что у нее в доме хранится револьвер. Никто, кроме меня. А я узнал, когда меня вызвали починить ее *верзилу*. Ведь именно так называют эти высокие шкафы? Да. Так вот, *верзила*. Именно так. И она там была, это в свои-то семьдесят пять, и в ящике – я имею в виду ящик *верзилы*, который меня попросили починить – там было что-то с дверными петлями и с замком, – так вот, в ящике этого *верзилы* лежал револьвер. Он был завернут

вместе с парой женских туфель. Третьего размера. Хотя не уверен – может быть, и второго. Из белого шелка. Для таких крошечных ножек. Она сказала, что это были свадебные туфельки ее прабабки. Может быть. Правда, кто-то говорил, что она купила их в лавке древностей, но я этого не знаю. И вместе с ними был завернут револьвер. Вот так-то. Говорят, что его привез ее сын. Из Восточной Африки. Он охотился там на слонов или что-то вроде этого. А когда вернулся, то привез с собой револьвер. И знаете, что делала эта старая дама? Она садилась у окна своей гостиной и следила за улицей. А когда люди показывались на подъездной аллее, то брала револьвер и стреляла в них, но так, чтобы не попасть. Пугала их до смерти, и они убегали. Говорила, что не хочет, чтобы беспокоили ее птичек. Не думайте, она в жизни не убила ни одной птички. Просто не хотела. А потом начались все эти истории с миссис Летерби. *Ее* чуть не посадили. За кражи в магазинах. Говорят, она делала все очень умно. И при этом была богаче многих...

Договариваясь с мистером Бодликоттом о починке стеклянного светового люка в потолке ванной, Таппенс размышляла, не приведет ли подобный поток воспоминаний ее и Томми к обнаружению какого-нибудь клада или секрета, скрытых в их доме, о которых они даже не подозревают.

Старина Исаак Бодликотт не стал ломаться и согласился помочь новым жильцам дома. Для него в жизни самым большим удовольствием было встречать как можно больше но-

вых людей. Появление в доме, где никто еще не слышал его потрясающих воспоминаний и мемуаров, было для него настоящим событием. Те, кто их хорошо знал, обычно не горели желанием выслушать их еще раз. Но вот новая аудитория!.. Такие встречи были всегда приятны. Кроме того, Исаак любил демонстрировать свои многочисленные умения, которые с удовольствием использовал на благо окружающего его общества. Поэтому он охотно начал беседу:

– Счастье, что ваш муженек не порезался. Мог бы распороть себе всю физиономию.

– Да, действительно.

– Здесь на полу валяются еще осколки, хозяйка.

– Я знаю, – ответила Таппенс. – У нас просто не было времени...

– Со стеклом лучше не рисковать. Вы же знаете, что это такое. Крошечный кусочек может причинить вам массу хлопот. Даже убить вас, ежели попадет вам в кровь. Помню мисс Лавинию Шотакомб. Так вы не поверите...

Мисс Шотакомб Таппенс совсем не интересовала. Она слышала, как о ней говорили как о еще одной известной личности в округе. Ей было где-то между семьюдесятью и восьмьюдесятью, и она была глуха и слепа.

– Мне кажется, – Таппенс постаралась вклинить в разговор до того, как начнутся воспоминания о Лавинии Шотакомб, – что вы должны многое помнить о людях, которые здесь жили, и о тех необычных вещах, случавшихся с ними

в прошлом.

– Ну, знаете, я уже не так молод. Мне уже больше восьми-десяти пяти. Ближе к девяноста. Правда, памятью меня бог не обидел. Есть такие вещи, знаете ли, которые не забудешь. Никогда. Сколько бы времени ни прошло, но достаточно какой-нибудь мелочи, вы меня понимаете, чтобы все вспомнить. Вы не поверите тому, что я мог бы порассказать...

– Просто потрясающе, – продолжила Таппенс, – когда начинаешь думать о том, что вы знаете об этих удивительных людях.

– Да уж. В людях нелегко разобраться. Иногда они совсем не такие, какими кажутся, и делают такие вещи, в которые трудно поверить.

– Иногда они оказываются шпионами, – гнула свое Таппенс, – или преступниками.

Она с надеждой взглянула на своего собеседника. Старина Исаак наклонился и поднял осколок стекла.

– Вот еще, – произнес он. – Как вам понравится, если *такая штука* вопьется вам в пятку?

Таппенс стала уже сомневаться, что починка стеклянной крыши сможет вызвать у старины Исаака поток воспоминаний о прошлом. Тогда она обратила его внимание на маленькую теплицу, притулившуюся рядом со стеной столовой, и попыталась переключить внимание мастера с осколков на целое стекло: лучше будет отремонтировать ее или же совсем разобрать? Исаак с удовольствием занялся этой новой

проблемой. Они спустились вниз, вышли из дома и пошли вокруг него, пока не уперлись в означенную конструкцию.

– Так вы вот это имеете в виду?

Таппенс подтвердила, что именно это.

– Кэй-Кэй, – сказал Исаак.

Таппенс посмотрела на него. Эти две буквы алфавита, КК, ничего для нее не значили.

– Что вы сказали?

– Кэй-Кэй. Именно так это называли во времена старушки Лотти Джонс.

– Ах, вот как... А почему?

– Не знаю. Это было... наверное, это было название, которое они приберегали для подобных мест. Оно всегда было маленьким. В домах побольше обычно всегда есть нормальная оранжерея. В которой, знаете ли, растут папоротники в горшках.

– Правильно, – согласилась Таппенс, легко вспомнив подобные вещи из своего детства.

– Вот тогда это можно назвать зимним садом. А вот это старая миссис Лотти Джонс называла обычно Кэй-Кэй.

– А в ней были папоротники?

– Нет, это строение никогда не использовали как теплицу. В основном дети хранили в ней свои игрушки. Говоря об игрушках, я думаю, что они все еще там, если, конечно, их никто не вытащил. Видите – строение разваливается. Они только слегка подперли его с боков и немного подлатали кры-

шу, но я не думаю, что его можно использовать. Обычно в него складывали сломанные игрушки, мебель и всякое такое. Вон, видите, там видна лошадь-качалка и Любимая в самом дальнем углу.

– А мы сможем попасть туда? – спросила Таппенс, стараясь выбрать кусочек окна почище. – Там, наверное, есть масса любопытных вещей.

– Вообще-то должен быть ключ, – заметил Исаак. – Он должен висеть на том же месте.

– А где это «то же место»?

– За углом должен быть сарай.

Они обогнули дом. Сооружение с трудом можно было назвать сараем. Исаак распахнул дверь, отодвинул в сторону остатки веток, отбросил несколько гнилых яблок и, приподняв старый коврик, висевший на стене, показал Таппенс три или четыре ржавых ключа, висевших на гвозде.

– Это ключи Линдопа, – пояснил он. – Он был здесь предпоследним садовником. Вообще-то он был корзищиком на покое, ни на что путное не годился... Если вы хотите заглянуть в Кэй-Кэй...

– Ну конечно, – с надеждой произнесла Таппенс. – А как это пишется?

– Как пишется – что?

– Я имею в виду КК²⁵. Это что, просто две буквы?

– Нет, мне кажется, что это что-то другое. Всегда думал,

---

²⁵ Буква английского алфавита К произносится как «кей».

что это два иностранных слова. Мне кажется, что я помню К-Э-Й, а потом еще одно К-Э-Й, Кэй-Кэй – почти как Кей-Кей. Так они это произносили. Мне кажется, что это что-то японское.

– Ах, вот как, – сказала Таппенс. – А здесь когда-нибудь жили японцы?

– Никогда в жизни. Нет. Здесь вообще не было иностранцев.

Небольшое количество масла, появившегося в руках Исаака, произвело блестящий эффект на самый ржавый из ключей, который, после того как его вставили в скважину, повернулся и позволил открыть дверь. Таппенс и ее гид вошли внутрь.

– Ну вот, смотрите. – Казалось, что Исаак не испытывал никакой гордости от того, что располагалось внутри. – Ничего, кроме хлама, верно?

– Какая милая лошадка, – сказала Таппенс.

– Это Макилд, – сказал Исаак.

– Мак – илд? – с сомнением переспросила Таппенс.

– Ну да. Это какое-то женское имя. Она была какой-то королевой. Кто-то говорил мне, что так звали жену Вильгельма Завоевателя²⁶, но я думаю, что это была шутка. Лошадка из Америки. Один из крестных привез для кого-то из детей.

– Для кого-то?..

– Ну да, для кого-то из детей Бессингтонов. Они жили

---

²⁶ Жену Вильгельма Завоевателя действительно звали Матильда Фландрская.

здесь еще раньше. Не знаю... По мне, так она немного испачкалась.

Даже в этом почтенном возрасте Матильда выглядела совсем неплохо. По длине она почти не отличалась от любой настоящей живой лошади. От ее когда-то роскошной гривы осталось всего несколько волосков. Одно ухо было отломано. Когда-то оно было серым. Расстояние между передними ногами лошади расширилось перед корпусом, а между задними – позади него. Хвост был еле виден.

– Она не похожа ни на одну лошадь-качалку, которую я видела в своей жизни, – заинтересованно произнесла Таппенс.

– Верно, правда? – согласился Исаак. – Они все поднимаются и опускаются – вверх-вниз, вверх-вниз, от головы к хвосту. А эта – она, как бы это сказать, скачет вперед. Сначала двигаются передние ноги, потом задние. Получается очень здорово. Сейчас попробую забраться на нее и показать...

– Осторожнее, – попросила Таппенс. – Там могут быть... могут быть гвозди или что-то еще, что может в вас впиться. Или вы упадете.

– Да ладно. Я уже катался на Матильде – было это лет пять или шесть назад, но я все помню. Она все еще довольно крепкая. Даже не собирается разваливаться.

И неожиданным, каким-то акробатическим движением, он взлетел на Матильду. Лошадь прыгнула вперед, а потом назад.

– Видите, еще работает.

– Действительно работает, – согласилась Таппенс.

– Она им, то есть детям, знаете ли, очень нравилась. Мисс Дженни скакала на ней каждый день.

– А кто такая эта мисс Дженни?

– Ну как же, она была самая старшая. Это ее крестный прислал лошадку. И Любимую тоже, – добавил старик.

Таппенс вопросительно посмотрела на него. Это слово никак не подходило для описания чего-либо, что сейчас находилось в Кэй-Кэй.

– Они так ее прозвали. Вон ту тележку в углу. Мисс Памела спускалась на ней с холма. Она вообще была очень серьезная, эта мисс Памела. Взбиралась с этой тележкой на самый верх, ставила ноги вон туда – там должны быть педали, но они не работают – и начинала спускаться вниз. А когда надо было тормозить, то делала это ногами. Правда, очень часто врезалась в араукарию.

– Звучит не очень привлекательно, – заметила Таппенс. – Я имею в виду, врезаться в араукарию.

– Знаете, ей всегда удавалось остановиться в нескольких сантиметрах от нее. Очень уж она была серьезная, эта Памела. Могла заниматься этим часами – однажды я наблюдал за ней часа четыре или пять. Я часто делал украшения из роз к Рождеству. Розы и кортадерия²⁷. Вот и наблюдал за ней. Но никогда не говорил с ней, потому что ей это не нравилось.

---

²⁷ Многолетнее травянистое декоративное растение.

Она просто хотела заниматься тем, чем занималась, или тем, чем, как ей казалось, она занимается.

– Чем ей казалось, что она занимается? – переспросила Таппенс, которую мисс Памела стала интересоваться гораздо больше, чем мисс Дженни.

– Ну, я не знаю... Иногда она говорила, что она принцесса, которая от кого-то убегает. А иногда называла себя Мэри, королевой черт-знает-чего – то ли Ирландии, то ли Шотландии...

– Марией Стюарт, королевой шотландцев, – предположила Таппенс.

– Вот именно. Она то пряталась, то спасалась. А потом скрывалась в замке. Называла его Лок²⁸ – что-то-там-еще. Только это не про замок, а про озеро. Вот так вот.

– Теперь понятно. Памела считала себя Марией, королевой шотландцев, которая пряталась от своих врагов.

– Вот именно. Говорила, что собирается в Англию, чтобы сдать на милость королевы Елизаветы. Так она говорила, но я не слышал, чтобы королева Елизавета была особо милосердна.

– Что ж, – сказала Таппенс, пытаясь скрыть свое разочарование. – Я уверена, что все это очень интересно. Еще раз – как звали этих людей?

– Листеры. Именно Листеры, ваша милость.

– А вы когда-нибудь знали Мэри Джордан?

---

²⁸ Исаак путает два слова: Лок – замок (англ.) и Лох – озеро (шотл.).

– Я знаю, кого вы имеете в виду. Нет, это было еще до меня. Вы же имеете в виду немецкую шпионку, правильно?

– Мне кажется, что все здесь о ней знают, – сказала Таппенс.

– Ну конечно. Ее называли как-то типа *фрау-лэйн*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.